

НОРА РОБЕРТС

Ласка скорпиона

Впервые на русском!

Когда Робертс приступает к новому роману, десятки ее поклонников ощущают учащенное сердцебиение.
Publishers Weekly

Нора Робертс
Ласка скорпиона
Серия «Ева Даллас», книга 38

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572842
Робертс Н. Ласка скорпиона: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57243-4
Оригинал: Nora Roberts, "TREACHERY IN DEATH"
Перевод:
Н. А. Миронова

Аннотация

Лейтенант нью-йоркской полиции из отдела убийств Ева Даллас готова отстаивать свои принципы с оружием в руках и требует от людей, которым доверяет, полной самоотдачи.

На этот раз судьба приготовила нелегкие испытания на прочность всей команде Евы. Ее напарница Делия Пибоди и не подозревала, что, отправившись после работы в старый спортивный зал потренироваться, она окажется невольной свидетельницей тайных переговоров продажных копов – сотрудников отдела по борьбе с наркотиками. Теперь девушке предстоит сделать нелегкий выбор: бросить вызов системе или предать товарищей, доказав, что служить и защищать – дело глубоко личное.

Содержание

1	5
2	16
3	25
4	35
5	45
6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Нора Робертс

Ласка скорпиона

Нет в природе человека предопределенной склонности только к добру или только ко злу. Но, совершая поступок, он вынужден сделать выбор между одним и другим.

Натаниэль Готорн

*Свой гнев в груди она носила,
Чтоб не остыл.*

Роберт Бернс

Nora Roberts

TREACHERY IN DEATH

Copyright © 2010 by Nora Roberts

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

1

Старик был мертв. Он лежал на рассыпанных по полу шоколадных батончиках и пачках жевательной резинки. Помятые и лопнувшие жестянки с безалкогольными, энергетическими и витаминными напитками, вывалившиеся из разбитой витрины холодильника, залили пол магазинчика разноцветными потоками, а сверху его устлали превращенные в ошметки пакетики соевых чипсов.

Позади прилавка на стене висела фотография в рамке. На ней был изображен убитый, только в куда более молодом возрасте, и женщина: как поняла Ева, его вдова. На фотографии они стояли рука об руку перед магазином, их лица светились радостью и гордостью, они выглядели уверенными в своем будущем.

А сегодня будущее этого когда-то молодого и счастливого человека, подумала Ева, лежало в луже крови среди раскрошенных чипсов.

Лейтенант Ева Даллас стояла среди разгрома и смерти и смотрела на тело, а первый коп, прибывший по вызову, рапортовал об обстоятельствах дела.

– Его зовут Чарли Оучи. Они с женой держат этот магазин уже лет пятьдесят.

На щеке у полицейского дергался мускул, и Ева поняла, что он знал убитого.

– Миссис Оучи в подсобке, с ней медики. – На его лице снова дернулся мускул. – Они и ее побили, мало им было старика.

– Они?

– Трое, так она сказала. Парни, чуть за двадцать. Она говорит, один белый, один черный, а третий – азиат. Они и раньше приходили, брали, что хотели, и не платили. Их выгоняли. У них было какое-то самодельное устройство, это все, что она могла сказать. Отключили камеры наблюдения этим своим пультом. – Полицейский дернул подбородком в сторону камеры. – Накачались до бровей, как ей показалось, ржали, как лошади, набили карманы сладостями. Ударили ее чем-то вроде кистеня, когда она попыталась их остановить. А когда старик вышел, они и его стукнули, но это его не остановило. И тогда один из них двинул его в грудь этим своим устройством. Миссис Оучи говорит, он камнем рухнул. Они похватали, что могли – батончики, чипсы и все такое, – и все это время ржали. Покрушили, что могли, и сбежали.

– Она дала вам описание?

– Причем отличное описание. А что еще лучше, у нас есть свидетель: видел, как они убежали, одного из них узнал. Брюстер Лоу по кличке Сникерс. Свидетель говорит, что они ушли в южном направлении. Это он нас вызвал.

– Ладно, прошу вас подождать, офицер. – Ева повернулась к своей напарнице. – Как ты собираешься расследовать это дело? – Пибоди ошеломленно заморгала. – Ты ведешь это дело. Изложи свой план.

– Хорошо. – Жетон детектива Пибоди получила не вчера, но все-таки он был еще довольно нов и блестел.

Ева дала ей минуту – привести в порядок мысли.

– Надо посмотреть, что у нас есть по Лоу, установим адрес, проверим, привлекался ли он раньше. Попробуем найти его дружков. А сейчас надо выудить описание, добавить имена. Хочу поскорее арестовать этих засранцев.

Ева наблюдала за бывшей помощницей и теперешней напарницей. Пибоди стремительно входила в роль.

– Надо вызвать сюда «чистильщиков». Эти уроды небось оставили пальчики и другие следы повсюду. Посмотрим, что было на дисках наблюдения, пока они не вырубят камеру. Остальное оставим электронщикам, пусть покопаются.

Темные волосы Пибоди были собраны в короткий упругий хвост, оставляя ее крупное лицо открытым. Она склонилась над телом.

– Надо все по протоколу, подтвердить личность.

– Есть, – отозвалась Ева, и Пибоди опять удивленно заморгала.

– Серьезно? Ты сама этим займешься?

– Ты же ведешь дело. – Ева начала читать с экрана карманного компьютера: – Лоу Брюстер, кличка Сникерс, белый, возраст – двадцать три года. Адреса нет. Есть адрес его матери – по авеню Б. Есть досье: хранение наркотиков, злостное хулиганство, кражи в магазинах, вандализм, уничтожение частной собственности, угон машин и далее в том же духе.

– Перекрестная проверка на...

– Сделано. Не ты одна умеешь работать на этих штуковинах, – напомнила Ева. – Перекрест по арестам дает нам Леона Слэттера, он же Слэш, смешанных кровей, возраст – двадцать два года, и Джимми Кея Рогана, он же Смэш, чернокожего, возраст – двадцать три года, как дружков Лоу и возможных соучастников.

– Просто блеск! Адреса?

– У Слэттера есть. Четвертая авеню, на Западной стороне.

– Отлично. Офицер, возьмите данные у лейтенанта. Я требую задержать этих троих.

Мы с напарницей поможем с розыском, когда закончим здесь, но нам тут еще работать и работать.

– Есть.

– Я возьму свидетеля, – сказала Пибоди Еве. – А ты бери жену. Лады?

– Ты же...

– Веду дело. Ясно. Спасибо, Даллас.

«Потрясающе, – подумала Ева, опускаясь на корточки и вытаскивая опознавательную пластинку, чтобы подтвердить удостоверение личности, – получить благодарность за передачу трупа. Но мы же копы из убойного отдела, в конце концов».

Она потратила еще несколько минут на осмотр тела – кровоподтеки на виске, на плечах. Она не сомневалась, что судмедэксперт подтвердит: все эти побои не были смертельны. А вот самодельный электрический глушитель, прижатый к груди, скорее всего, дал старому Оучи такую встряску, от которой остановилось его восьмидесятитрехлетнее сердце.

Ева выпрямилась, еще раз окинула взглядом бессмысленные разрушения. Хороший тут был магазинчик, насколько она могла судить. Окна, пол, прилавки там, куда не попали кровь и брызги разлитых напитков, сияли чистотой. Товары, избежавшие вандализма, были аккуратно расставлены на полках.

«Пятьдесят лет», – сказал полицейский, первым прибывший по вызову. «Пятьдесят лет, – думала Ева, – они управляли своим бизнесом, торговали, жили своей жизнью, пока тройка мерзавцев и кретинов не уничтожила все это ради горсти батончиков и соевых чипсов».

Уже двенадцать лет Ева работала копом, и все то, что человеческие существа творили с другими человеческими существами, ее не удивляло. Но ее по-прежнему бесила бездумная, бессмысленная жестокость.

Ева прошла в подсобку, небольшое помещение, сочетавшее в себе кабинет и склад. Медик собирал свое снаряжение.

– Ей-богу, вам лучше бы в больницу, миссис Оучи. Давайте мы вас отвезем.

Старая женщина покачала головой.

– Мои дети приедут, мои внуки. Я их подожду.

– Ну тогда пусть они и отвезут вас в больницу. Вам надо пройти полный осмотр. – Голос у него был тихий и ласковый, он бережно погладил ее по руке. – Хорошо? Мне очень жаль, мэм.

– Спасибо. – Она перевела взгляд на Еву, их глаза встретились. Изборожденное морщинами лицо старой женщины было обезображено синяками, но ее глаза горели неукротимым огнем. – Они убили Чарли, – сказала миссис Оучи.

– Да, мэм. Сочувствую вашей утрате. Мне очень жаль.

– Все меня жалеют. Эти трое, что его убили... они тоже пожалеют. Будь моя воля, я бы заставила их пожалеть. Своими руками.

– А вот об этом мы позаботимся, не надо вам самой. Я лейтенант Даллас. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Я вас знаю. – Миссис Оучи вскинула палец. – Видела вас по телевизору с Надин Ферст. Нам с Чарли нравится смотреть ее шоу. Мы хотели прочитать ее книжку про вас.

– Ну... книжка, в общем-то, не про меня. – Но Ева решила не спорить: во-первых, у нее был более важный предмет для разговора, а во-вторых, ей было неловко слышать, что книжка про нее. – Расскажите мне, что случилось, миссис Оучи.

– Я уже сказала другому копу, но расскажу и вам. Я была за прилавком, а Чарли был здесь, когда они пришли. Мы им уже говорили, чтоб больше не приходили, потому что они воруют, ломают вещи, грубят нам и нашим покупателям. От этих троих одни неприятности. Настоящие подонки. Белый мальчик... Он держал какую-то штуку, направил ее на камеру, и монитор на прилавке отключился. Одна статика осталась.

Голос у нее дрожал, но глаза оставались сухими и горели все тем же неистовым огнем. «Слез нет, – отметила Ева, – слезы придут позже. А пока – холодный огонь гнева. Только уцелевшие могут это понять».

– Они смеялись, – продолжала миссис Оучи, – хлопали друг друга по спине, стучались кулаками, а черный, он сказал: «Что ты теперь делать будешь, старая сука?» И схватил горсть конфет. Я им крикнула, чтоб убирались из магазина, и тогда третий – азиат – чем-то меня ударил. У меня в глазах потемнело, я пыталась убежать в подсобку к Чарли, но он опять меня стукнул, и я упала. А они все смеялись. Совсем обкуренные, – добавила она. – Когда человек не в себе, я знаю, как это выглядит. Вышел Чарли. Этот азиат, он опять на меня замахнулся, сейчас, думаю, ударит, хотя я уже лежала на полу, но тут Чарли его ударил, он назад отлетел. Я попыталась встать, помочь, но...

Ее голос пресекался, ярость отступила перед ощущением вины.

– Вы пострадали, миссис Оучи.

– Черный ударил Чарли, в точности как азиат ударил меня, но Чарли не упал. Чарли, конечно, не такой сильный, как эти головорезы, и он уже не молод, но он крепкий. Он всегда был крепкий. – Старая женщина перевела дух, стараясь взять себя в руки. – Он дал сдачи. Я пыталась подняться, хотела найти, чем бы их стукнуть хорошенько. И тогда белый сказал: «Да пошел ты, старый хрен» – и сунул эту штуку – глушитель или шокер, не знаю, что это было, – прямо в грудь Чарли. Прямо вот сюда. – Она прижала ладонь к сердцу. – Раздался звук, электрический такой звук, как разряды, треск, понимаете? А потом щелчок, и когда послышался щелчок, Чарли упал. Он схватился за сердце, он сказал «Катя». Это мое имя. Он назвал мое имя и упал. – Губы у нее опять задрожали. – Я поползла к нему. А они все смеялись и кричали, крушили все вокруг, топтали... Один из них, не знаю, кто именно, ударил меня ногой в бок, и они убежали.

Миссис Оучи закрыла глаза и умолкла. Ева дала ей передохнуть.

– Они убежали, а потом... Сколько же времени прошло? Минута? Может, и меньше, – вновь заговорила старая женщина. – Прибежал Юрий. Он хотел помочь Чарли, делал ему массаж сердца. Он хороший мальчик – Юрий... Его отец когда-то у нас работал. Но он не смог помочь Чарли. Он вызвал полицию и «Скорую», достал лед из холодильника, приложил к моей голове. Он сидел со мной, со мной и с Чарли, пока не пришла полиция. – Теперь она подалась вперед. – Они – мелкая сошка, эти трое. Мы тоже люди маленькие, не такие

важные, как те, о ком вы говорите с Надин Ферст в ее передаче. Но вы же не дадите им уйти от наказания?

– Для полиции вы важные люди, миссис Оучи. Вы и мистер Оучи важны для меня, для моей напарницы, для каждого копа, работающего над этим делом.

– Я вам верю, я вижу, вы и вправду так считаете.

– Да. Мы уже их ищем, и мы их найдем. Будет проще, если вы отдадите мне диск с камеры наблюдения. Если они не вырубили камеру до того, как вошли, значит, их лица сохранились на диске. И потом, у нас есть вы, у нас есть Юрий. Им это с рук не сойдет.

– В коробке под прилавком – деньги. Немного, много мы не держим, но они и не искали деньги. Конфеты, напитки, чипсы. Им и это, в общем-то, было не нужно, они просто хотели все ломать, бить, крушить, рвать, причинять боль людям. Что превращает людей в животных? Вы знаете?

– Нет, – призналась Ева, – не знаю.

Ева проследила, как родные миссис Оучи посадили ее в машину, чтобы отвезти в больницу, а тело мистера Оучи увезли в морг.

Лето 2060 года выдалось знойным. Похоже было, что такое пекло продержится и в ближайшие дни. Она стояла на жаре, запустив руку в коротко стриженные волосы и мечтая о ветерке. Ей удалось сдержать желание поторопить Пибоди, направить, отдать приказ.

Ей пришлось признать, что Пибоди работала дотошно. Уже были разосланы фотографии преступников, полицейские опрашивали соседей.

Ева запоздало вспомнила о солнцезащитных очках и удивилась, обнаружив их у себя в кармане. Она надела очки, умерив бьющий в глаза солнечный свет, и продолжала ждать – высокая худощавая женщина в бежевом жакете, черных брюках и видавших виды ботинках, пока к ней не подошла Пибоди.

– По нам известным адресам никого не застали, а мать Брюстера говорит, что не видела сына несколько недель, чему она даже рада. Но один из соседей Слэттера показал, что видел всех троих, когда они уходили этим утром. Он говорит, они втроем там ночуют вот уже пару недель.

– Они болваны, – заключила Ева. – Они вернуться в свою нору.

– Я поставила там наблюдение. Пока двоих. Свидетель – Юрий Дрю – как раз переходил улицу, когда они убежали. Он их заметил, узнал Брюстера, потому что они уже и раньше пару раз цапались на баскетбольной площадке неподалеку отсюда, а как-то раз он был в магазине, когда хозяин выгонял их оттуда. Он узнал всех троих, но по имени знает только Брюстера. Парень пару раз принимался плакать, пока давал мне показания, – добавила со вздохом Пибоди. – Его отец одно время...

– ...на них работал, – закончила за нее Ева. – Это мне известно.

– Оpozнал их по фото. Я сделала подборку на карманном компе, и он выбрал всех троих без колебаний, на счет «раз». Он не только будет против них свидетельствовать, он прямо-таки жаждет крови. Ты мне доверила это дело, потому что все так просто? Гол в пустые ворота?

– Стоит только подумать про гол в пустые ворота, как мяч отскочит от штанги.

Теперь и Пибоди надела солнцезащитные очки, и Ева увидела свое отражение в зеркальных стеклах с радужными разводами.

– Как, черт побери, ты что-то видишь через эти штуки? Видишь эльфов и фей? Как в детских сказках?

– Так это не я смотрю через радугу, это все остальные на нее смотрят! Полный отпад.

Ева считала, что копам не подобает такие финтифлюшки на нос цеплять, это портит имидж, но она лишь пожала плечами.

– Твои дальнейшие действия?

– Надо, думаю, пойти поговорить с матерью, с соседями, может, сумеем выжать, с кем они еще общались. Но я подумала, мы могли бы просто проехать по округе с тем же успехом. Они были под газом, ограбили магазин, взяли, что пожевать. Сейчас они вспоминают, как это было кайфово – разгромить магазин и поколотить пару стариков. Может, они знают, что Оучи мертв, а может, и нет.

«Слава богу, мозги у нее не поплыли радугой», – решила Ева. Пибоди по-прежнему рассуждала, как коп.

– Держу пари, не знают. Наверняка они настолько тупы, что никуда не попрятались, гуляют, может, попытаются нарыть себе еще наркоты.

– Мне свидетель выдал парочку их обычных точек, а мать добавила еще две. Их не только мы ищем, много других копов, но...

– Ну, двумя больше, двумя меньше, какая разница? Кто поведет?

– Серьезно? – На этот раз у Пибоди сам собой открылся рот.

– Ты же ведущий следователь.

– Ладно, я поведу. Вау! – Распаленная Пибоди села за руль. – Я мечтала поводить с тех самых пор, как Рорк подарил тебе эту тачку. На вид дерьмо, но закачана по полной. В квадрате.

«Это правда», – подумала Ева. Ее муж в технике был богом, к тому же он не упускал ни единой возможности сделать ей подарок. Один из первых, бриллиант в форме слезы, вдвое больше ее большого пальца, она носила на груди под рубашкой.

Он был прекрасен, совершенен и, наверно, стоил больше, чем валовой национальный продукт какой-нибудь небольшой страны. Но если бы ей пришлось выбирать между бриллиантом и дерьмовой на вид тачкой, победила бы тачка.

– Тут у меня секс-клуб, зал игровых автоматов, пиццерия и баскетбольная площадка, – начала Пибоди. – Могу задать маршрут навигатору, и он провезет нас по всем трем точкам в кратчайшее время.

– Похоже на план.

– Но? – насторожилась Пибоди. – Ведь есть же «но». Ну давай, колись! Я же с тобой делилась идеями, когда ты вела следствие!

– Они ушли отсюда, груженные калорийной жратвой, так какого лешего им переться в пиццерию? Тем более что они под кайфом. Секс-клуб – больше похоже на правду, если им хотелось перепихнуться.

– Но? – повторила Пибоди.

– Они только что поколотили пару стариков. Вряд ли они знают, что одного убили. У них веселье и игры. Денег они не взяли, не сняли со стариков обручальных колец, часов, не забрали бумажник с трупа.

– В секс-клуб пускают только за деньги, – сделала вывод Пибоди. – А перепихнуться стоит еще дороже.

– Они взяли дармовую жратву и доказали, что они крутые. Когда ты под газом, считаешь себя крутым и так весело проводишь время, ты же захочешь похвастаться, может, еще кому-то двинуть в морду.

– Игровой зал или баскетбольная площадка. Ясно. Навестим их там первым делом. Не найдем – пойдём по другим местам.

– Отличный план, – одобрительно кивнула Ева.

Пибоди ввела адреса в навигатор.

– Думаешь, они правда не знают, что Оучи мертв?

– Они накирялись, они болваны, просто полные кретины. Но пока еще ни один из них не убивал. Они выбежали из магазина веселые и довольные. Скорее всего, знай они,

что совершили убийство, прикончили бы и жену, перетерли бы это дело, протрезвели бы немного. Убийство – это не шутка. Но они ничего такого не сделали.

Сначала Ева с Пибоди заехали в игровой зал. Там было битком. Прохладнее, чем на улице, решила Ева, но как можно провести летний день прикованным к игральному автомату, когда и в нем и вокруг что-то звенит, гудит, пищит, орет, взрывается, крутится, мигает, вспыхивает?!

Толстый, с землистым лицом охранник у входа глянул на висельные рожи с удостоверений.

– Попала. Упертые геймеры. Слэш засадил по-крупному в «Наемниках» пару дней назад. Счет держится, еще никто не побил. Сам возьмусь, как время будет: он разве что на подтирку годится.

– Сегодня были? – спросила Пибоди.

– Не попала. Вечерами тут торчат. Под газом, когда нароют. – Он пожал плечами. – А чего?

– Надо с ними потолковать. – Пибоди извлекла свою визитную карточку. – Если придут, сконтачь. Какой счет в «Ты труп»?

Тут он взглянул на нее с интересом.

– Шаришь по играм?

– Крутая игровая сука. Туза побил в «Ты труп». – Пибоди подняла кверху три пальца. – Трижды.

– Уважуха, – протянул он с восхищением. – Хошь крутануть?

– Дела-дела, но, может, другим разом.

– Схлестнемся, – ухмыльнулся он.

– Идет. Ну мне пора. Покажутся эти, дай знать.

Он пальцем перекрестил сердце и спрятал ее карточку в карман.

– Что все это значит? – потребовала Ева. – Вы на каком языке разговаривали?

– Может, он и позвонил бы, но вряд ли. Ему по фигу. С таким же успехом может просто выкинуть карточку. Вот я и привлекла его внимание, даже уважение. Торчок на играх. Глупо, конечно, но это работало.

– Попала, – кивнула Ева, и Пибоди засмеялась.

Они лавировали в потоке движения, среди исписанных каракулями стен сборных домиков, наспех возведенных после Городских войн. Местные бездельники, за неимением лучших занятий, сидели на разбитых ступенях крылец, потягивая пиво или самопальную бормотуху из бутылок, спрятанных в коричневые бумажные пакеты.

Местная шпана тусовалась мелкими группами. В большинстве своем они рядились в облегающие безрукавки, чтобы продемонстрировать полный набор цветных татуировок на потной мускулатуре.

Растрескавшееся, выгоревшее на солнце щебеночно-асфальтовое покрытие игровой площадки было обнесено проржавевшей сетчатой оградой. Кто-то не поленился и смел горы мусора в угол. Битое стекло посверкивало, как оброненные бриллианты.

Кучка юнцов – подростки и чуть за двадцать – играли в баскетбол, разбившись на «рубашки» и «шкуры»¹. На многих шкурах виднелись синяки и ссадины. Зрители стояли и сидели, прислонясь к ограде. Не считая пары подростков, пытавшихся дотянуться языками до пупков друг друга, все бурно «болели»: орали, бранили и подзуживали игроков.

Пибоди остановила машину позади раздетой до скелета малолитражки. Кто-то намалявал похабщину на помятом кузове. Само собой, с ошибками.

¹ Неформальная игра без спортивной формы, когда одна команда играет в рубашках, а вторая – с голым торсом. (Здесь и далее – прим. пер.)

– Что за люди! – посетовала Ева. – Элементарных вещей грамотно написать не могут.
Грустная картина.

– Брюстер. – Пибоди подбородком указала на площадку.

– Да, я тоже его засекала вместе с его друзьями.

– Я вызову группу поддержки.

– Валяй.

Ева понаблюдала за игрой. Они играли за «рубях», причем рубяхи прилипли к их потным телам. Джимми Кей закатал мешковатые штаны выше своих узловатых колен. Судя по ритму, по приемам, Ева поняла, что у него есть способности к игре. Играл бы еще лучше, если бы не трезвел прямо на глазах и не потел, как свинья.

Брюстер покраснел, как рак, пот катился с него градом. Похоже, шкуры здорово надрали задницу рубяхам. Леон, носясь по площадке, запыхался и дышал, как пес на жаре. Даже издали ей было видно, как тяжело вздымается и опадает его грудь.

– Они спеклись, – заметила Ева. – Силы кончаются, дышалка на нуле. Их любой малыш перегонит.

– Группа поддержки будет через четыре минуты. – Ева лишь кивнула в ответ, и Пибоди заерзала на сиденье. – Ладно, давай возьмем подонков сами.

– Жду не дождусь.

Ева вышла из машины. Несколько зрителей у ограды узнали в них копов на полпути. Одни принялись насмехаться, другие занервничали, третьи напустили на себя отсутствующий вид, который Ева приняла за попытку стать невидимками.

На площадке Брюстер перехватил мяч, двинув локтем в живот противнику. Завязалась жестокая драка, она дала Еве и Пибоди время пересечь улицу, проскользнуть сквозь ворота внутрь площадки.

Ева слегка подтолкнула ногой любителей пощекотать пупок.

– Брысь отсюда.

Она выразительно похлопала по кобуре под жакетом, чтобы придать им нужное ускорение. Они вскочили, путаясь в собственных ногах, и бросились наутек. «Слава богу, – подумала Ева, – теперь им ничего не грозит».

Она не удостоила вниманием остальных. Они вдруг вспомнили, что у них есть дела поважнее где-то в других местах, и просочились за ворота. Ева не сводила глаз с Брюстера, но воспользовалась случаем наступить сапогом на грудь Слэттеру, который лежал на земле, пыхтя и размазывая кровавые сопли.

– Не вставай. Попробуй только встать, я тебя обратно положу парализатором, да так, что ты в штаны наложишь.

Чтобы доходчивей было, Ева обнажила ствол, в то же время наблюдая, как Пибоди уворачивается от локтевых и кулачных ударов борцов, катающихся по земле, и выхватывает из гуши драки Брюстера.

Джимми Кей сидел на земле, ощупывая разбитую губу.

– Эй, мы ничего не делали! Вон тот белый сукин сын мне засадил.

– Да что ты говоришь! Ну надо же! – Ева поняла, что он уже начисто забыл о магазине и семействе Оучи. О загубленной ими жизни. – Сиди спокойно.

А вот Брюстер не забыл. Ева по глазам поняла, когда Пибоди стащила его с паренька, которого он в эту минуту колотил. Она уклонилась от удара, отскочила от пинка ногой, одновременно пытаясь ему втолковать, что она полицейский офицер.

Слэттер сделал попытку выкатиться из-под Евиной ноги. Ева лишь усилила нажим.

– Могу пару ребер сломать, – любезно предупредила она, – и скажу, что так и было. Случайно вышло во время игры. Так что подумай хорошенько.

Не вынимая оружия, Пибоди блокировала удар. Блокировала не слишком удачно, удар прошел, хотя и задел ее плечо по касательной. Зато следующий пас достиг цели: как показалось Еве, ее напарницу крепко приложили по уху.

Радужные очки соскользнули и криво повисли на кончике носа.

Пибоди сумела провести довольно неуклюжий удар по корпусу. Ева сокрушенно покачала головой. «Тяжела на ногу», – подумала она, мысленно корректируя движения Пибоди.

Когда Брюстер вытащил из кармана самодельный пульт, Ева вскинула оружие, готовясь стрелять. Но Пибоди сказала: «Да пошел ты!» – и двинула ему по яйцам.

Пульт выскочил из руки Брюстера, а сам он рухнул, его рвало. Ева засчитала напарнице очко за хорошую реакцию, когда Пибоди сумела поймать пульт на лету.

– Ты арестован, тупица. Полностью и окончательно. – Пибоди присела, перевернула Брюстера на живот и, заведя ему руки за спину, защелкнула браслеты.

– А тебе тоже захотелось, кретин? – заорала она, увидев, что Джимми Кей начинает отползать, пятясь задом, как рак.

Он замер.

– Нет. Черт, мы же просто играли в баскет. Не при делах. Никого не трогали.

– Да я уж вижу, как вы никого не трогали. – Пибоди распрямилась и оглянулась как раз в тот момент, когда Ева надевала наручники на Слэттера. – Мордой в асфальт! – рывкнула Пибоди и заковала Джимми Кея.

Вот в эту самую минуту и подкатила с воем сирен их группа поддержки.

– Вызывайте фургон, – приказала Пибоди первому подбежавшему к ним офицеру. – И «Скорую», тут кое-кому нужна медпомощь. Всех переписать, – добавила она. – Подсыплем в кашу нападение на тех, кому они тут юшку пустили. А фургон – для этих трех.

– Слушаюсь. – И он взял под козырек.

Пибоди бросила взгляд на Еву и ухмыльнулась до ушей. «Он меня слушается», – прошептала она одними губами. Потом откашлялась:

– Лейтенант, будьте любезны предъявить этим говнюкам обвинения и зачитать им права.

– Слушаюсь. Брюстер Лоу, Леон Слэттер и Джимми Кей Роган, вы арестованы за убийство...

– Мы никого не убивали! – завизжал Джимми Кей, пока пара патрульных вздергивала его на ноги. – Эй, вы не тех взяли! Мы просто играли в баскет.

– Дополнительные обвинения включают покушение на убийство, вооруженное нападение, уничтожение частной собственности, кражу, а в случае Брюстера – сопротивление при аресте и нападение на полицейского офицера. Можем – просто шутки ради! – попытаться поднять это последнее до покушения на убийство полицейского офицера.

Когда все было кончено и троицу погрузили, Пибоди с довольным видом отерла пот с лица.

– Было здорово. Отличная работа. Но больно. – Она прижала ладонь к уху.

– Ты тяжела на ногу.

– Вот только не надо о моем весе, пока я – ведущий следователь.

– Речь не о твоём весе, Пибоди. Просто ты слишком много веса переносишь на ноги. И ты нерешительна. Рефлексы хорошие, но двигаешься ты уж больно медленно. Тебе надо попрактиковаться в рукопашной.

– Не могу спорить, у меня до сих пор в ушах звенит. Я над этим поработаю.

– Но ты его свалила, поэтому я согласна: отличная работа.

Тут Евина машина издала пронзительный предупреждающий сигнал, и Ева обернулась.

У нее на глазах наивный взломщик приземлился на пятую точку посреди улицы, когда включился предупреждающий заряд. «Фомка» выпала у него из рук и укатилась в канаву.

– Смотри-ка, работает. Приятно знать.

Она не стала арестовывать нарушителя, дала ему, прихрамывая, уползти прочь: сочла, что он усвоил урок и этого довольно. Она повернулась к Пибоди.

– Я пить хочу. Хочу шипучки. – Пибоди покосилась на Еву. – По пути в Управление остановлюсь и куплю шипучку. Все равно я хочу, чтоб они попотели немного. Я велела патрульным изолировать каждого и забронировать три отдельные комнаты для допроса. Джимми Кей – слабое звено, верно? Он плакал, пока его грузили в фургон. Я думала, возьмем его первым.

– Я не против.

– Чур, я буду плохим копом.

Ева внимательно поглядела на свою напарницу – копа в радужных очках.

– Я о тебе беспокоюсь, Пибоди.

– Дай мне побыть плохим копом, а ты проявляй сочувствие. Он уже плакал, когда его сажали в фургон. Мне даже делать почти ничего не придется. К тому же, – добавила Пибоди сквозь зубы, – я – ведущий следователь.

– Прекрасно, – пожала плечами Ева. – Значит, за выпивку платишь ты.

Джимми Кей плакал и когда его ввели в комнату для допроса. Пибоди окинула его строгим взглядом.

– Детектив Делия Пибоди и лейтенант Ева Даллас допрашивают Джимми Кея Рогана по делу об убийстве Оучи Чарли и сопутствующих обвинений.

– Я никого не убивал! – завыл Джимми Кей.

– А ну заткнись! – Пибоди с грохотом обрушила на крышку стола папку с файлами, извлекла из нее снимок убитого и с размаху шлепнула его поверх папки. – Ты это видишь, Роган? Это твоих рук дело. Тебя и твоих дружков.

– Я не убивал. Не убивал я.

– И вот это. – Пибоди выложила фото миссис Оучи, увеличенные фотографии ее окровавленной головы, синяка под глазом, вспухшей челюсти. – Похоже, ты любишь избивать старушек, тупая ты задница.

– Я ничего не делал.

Пибоди стремительно вскочила со стула и чуть не бросилась на него.

– погоди, погоди. – Играя свою роль, Ева ухватила напарницу за плечо. – Слушай, дай парню шанс, ладно? Смотри, он весь трясется. Я принесла тебе попить, Джимми Кей. Хочешь холодненькой коки?

– Черт, да, хочу. – Он взял у нее жестянку с кока-колой и выпил чуть ли не одним глотком. – Я никого не убивал. Я бы не смог.

– У нас свидетели есть, тупица.

– Э, нет. – Джимми Кей покачал головой, глядя на Пибоди. – Там никого не было, когда мы вошли, а Сникерс... он вырубил камеру. Так что никаких свидетелей у вас нет.

«Господи, что за кретин», – подумала Ева.

– Вы были сегодня в магазине Оучи? – спросила она. – С Брюстером Лоу, он же Сникерс, и Леоном Слэттером, он же Слэш?

– Ну да, да. Нам хотелось чего-нибудь пожевать, понимаете? Ну мы и пошли взять хавчик.

– Вы всегда вырубаете камеру, когда идете взять хавчик? – потребовала Пибоди.

– Да мы просто дурачились, понимаете?

– Дурачились? – проревела Пибоди и сунула фотографию Оучи под нос Джимми Кею. – Вот это, по-твоему, значит «дурачиться»?

– Нет, черт, нет! Я этого не делал.

– Успокойся, Джимми Кей, – велела ему Ева, бросив неодобрительный взгляд на Пибоди и проследив, чтобы от него этот взгляд не ускользнул. – Ты же знаешь, что глушители запрещены, даже самодельные.

– Да, – вздохнул он. – Но, понимаете, я же просто типа как опыт ставил. Я иногда подрабатываю в магазине электроники, а уж там-то можно научиться всякому. Можно образование получить. Вот я и сказал парням, что могу сделать глушилку из кой-какого дерьма, которое у нас валяется, ну а они мне – врешь, пургу гонишь, ну и так далее. Вот я им и показал. Черт, да я часами над этой штукой работал! Ну мы загудели. Знаете, как это бывает, когда гудишь с приятелями.

– Да, – кивнула Ева, – я понимаю.

– Мы глушилку опробовали, и она начисто вырубил комп Слэша. Черт, это было так смешно, мы со Сникерсом чуть со смеху не лопнули. Слэш, конечно, психанул слегка, начал глушилку хватать, у меня отнимать, ну а я стараюсь ее удерживать, ну и нажал чисто случайно на «старт». Вырубил его. Черт, вы бы видели, как он подскочил! Мы со смеху прямо катались. Ну, мы просто балду гоняли, вырубил друг дружку пару раз, покайфовали. Ну, понимаете, мы типа как проголодались и решили, черт, пойдем заглянем к Оучи, возьмем хавчик, поиграем с вжикалкой. Это мы так глушилку называли – вжикалкой. Я сам ее сделал, своими руками.

Он проговорил это с наивной гордостью, и Ева заметила, что Пибоди жалеет его.

– Да у тебя талант, Джимми Кей, – заметила Ева и лягнула Пибоди под столом.

– Ну ты и задница! – Пибоди состроила свирепое лицо. – Вы пошли в магазин Оучи, чтобы их ограбить, разорить их бизнес, избить их, и при этом вооружились незаконным устройством, которым отключили сигнализацию и выпустили электрический разряд в человека? А кистеней вам было мало?

– Черт, ну послушайте же, просто послушайте, хорошо? – Джимми Кей замахал руками в воздухе, словно успокаивая волны. – Мы же были под кайфом, нам надо было пожевать. У Оучи хороший хавчик, но этот старик, он вечно нас гоняет, как-то раз даже послал копов домой к старухе Сникерса, потому что мы там кое-что рассыпали. Да мы просто хотели взять хавчик, ну и показать им, чтоб не приставали. Просто припугнуть их, ясно?

– Значит, вы собирались просто немного пограбить, – включилась в разговор Ева. – Вы трое взяли свою вжикалку, взяли по кистеню и отправились туда с целью украсть, запугать, ну, может, если возникать начнут, вздуть их слегка, кое-что побить, поломать.

– Точняк! Ну мы ж гудели, черт! Здорово заторчали. Вжикалка была у Сникерса. Его была очередь, ну и потом, старик натравил на него копов и все такое. И камеру мы вырубил четко. А старуха как начала разоряться, вот Слэш ее и тюкнул пару раз.

– Леон Слэттер, он же Слэш, ударил ее кистенем, – подсказала Ева, – потому что она кричала и требовала, чтобы вы ушли.

– Точняк. Она на нас орала, командовала, вот Слэш ее и причесал маленько, чтоб угомонилась. А я чего, я взял сладкого, чипсов, ну, типа пожевать, и тут старик выбегает. Совсем с ума спятил. Бросается на меня, ну, мне пришлось защищаться. Тюкнул его разок, вот и все. А он накинулся на Сникерса, орет как ненормальный, ну, Сникерс его и вырубил. Мы были под газом, вот и побили там все. А потом ушли. Видите? Мы никого не убивали.

Пибоди вытянула бумагу из папки.

– Вот акт аутопсии по Оучи. Ты знаешь, что такое аутопсия, парень?

Джимми Кей нервно облизнул губы.

– Ну, это когда мертвых людей режут. Черт, паршивое дело.

– И когда они разрезали этого мертвого человека, оказалось, что он умер от инфаркта. У него сердце остановилось.

– Так я же и говорю! Мы его не убивали.

– У него сердце остановилось из-за электрического разряда, оставившего, помимо всего прочего, следы ожогов на груди. Ваша вжикалка – орудие убийства.

Джимми Кей вытаращил глаза.

– Нет. Вот дерьмо! Нет, это не мы.

– Вот дерьмо, да. Это вы.

– Это случайно вышло! Черт. Это несчастный случай, верно? – умоляюще обратился он к Еве.

Ей надоело изображать хорошего копа.

– Вы отправились в магазин Оучи с целью ограбления, порчи имущества, запугивания и причинения телесных повреждений супругам Оучи, а также всем, кто мог находиться на месте. Вы вошли, вооруженные незаконным устройством, причиняющим, как вам было заведомо известно, вред здоровью, и утяжеленными мешками, которые использовали как кистени. И вы выполнили все, за чем пришли. По вашему собственному признанию, вы грабили, портили имущество и причиняли вред здоровью. А знаете, что происходит, когда в результате преступления или в ходе его человек погибает? Это автоматически приводит к обвинению в убийстве.

– Не может быть!

– Может, – заверила его Ева. – Еще как может.

2

Ева позволила Пибоди задать рабочий ритм. Дело шло несколько медленнее, чем надо бы, но допросы были проведены со всей дотошностью, этого она не могла отрицать. Они тянулись томительно долго, но в результате три криминально опасных идиота оказались за решеткой, где – она не сомневалась! – им предстояло провести много десятилетий своей идиотской жизни.

У себя в кабинете она ткнула пальцем в автоповар.

– У меня нет кофе, – заметила Ева с легким удивлением. – Как только ты исправишь ситуацию, можешь взять порцию себе.

Пибоди запрограммировала две кружки кофе и протянула одну Еве.

– Хорошая работа. – Ева шутливо чокнулась с ней кофейной кружкой.

– Что ни говори, а это был гол в пустые ворота.

– Если и так, это же ты его забила. Даже забивая мяч в пустые ворота, надо не промазать. Ты добилась информации и деталей от свидетеля, добавила к ней информацию, полученную мной от жены убитого, и все то, что мы наблюдали и собрали на месте. – Ева села и вскинула ноги в башмаках на стол. – Далее, твоя интуиция помогла тебе обнаружить местонахождение подозреваемых, хотя ты могла бы оставить это офицерам, уже ведущим поиск.

Пибоди опасливо опустила в шаткое кресло для посетителей.

– Ты бы мне задницу начистила, если бы я передала поиск другим. Наше дело, наш убитый, наши подозреваемые.

– Не стану с этим спорить. Ты совершенно правильно, как мне кажется, определила слабое звено и разыграла его. Запугала парня, и он выболтал признание, да к тому же выложил важные сопутствующие детали. Кто что сделал, когда и как. Ты получила умысел, и это важнее всего. Ты поняла, что надо усилить давление на Слэттера, потому что он куда крепче Рогана.

– Картофельное пюре тоже крепче Рогана, но ты говори, говори. Продолжай. Расскажи мне, какой я великий следователь.

– Ты не облажалась, – заметила Ева, и Пибоди самодовольно ухмыльнулась. – Ты поджарила Слэттера, потому что он дико разозлился на Рогана: тот же его заложил. И он понял, что это Роган его заложил, по тем деталям, что ты ему предъявила. Решил сам сдать своих подельников со всеми потрохами. Он решил, что раз уж Роган изготовил оружие убийства, а Лоу пришла в голову гениальная мысль пойти в магазин и испробовать вжикалку на Оучи, сам он может откосить как ни в чем не повинный посторонний наблюдатель. И ты позволила ему в это поверить.

– Ну да. Но кто подвел его к этой мысли? Ты. Ты мне очень помогла как хороший коп. Великий следователь должен уметь работать в команде.

– Даю тебе еще несколько минут подоить ситуацию, – решила Ева.

– Вау! Мы загнали Лоу как лошадь.

– Как скажешь. Это был умный шаг – пустить в ход насмешку. Вроде того: дело уже в шляпе, тупица. Сарказм и ехидное веселье вместо угроз и запугивания. У него одно полушарие все-таки действует: если бы ты задала ему жару, мог сообразить, что надо вызвать адвоката. Холод на него лучше подействовал.

– Мне кажется, подсознательно он уже знал, что Оучи мертв, когда выбежал из магазина. Мало того, он прижал устройство к сердцу старика, потому что подсознательно хотел причинить серьезный вред здоровью, – заметила Пибоди. – Он знал, что так и будет.

«Не только интуиция, не только работа в команде, – подумала Ева, – но и проницательность важна для настоящего следователя. А также практичность».

– Не буду спорить, – сказала она, – но мы бы никогда и ни за что не смогли бы пришить им убийство первой степени. Ты получила все, что можно было получить, плюс нападение на офицера полиции – это когда Лоу тебе засветил. В общем, они повязаны, Пибоди. Просидят за решеткой больше, чем до сих пор прожили на свете. Миссис Оучи не вернет себе мужа, но когда ты ей позвонишь, она поймет, что те, кто в ответе за это, уже начали платить.

– Мне кажется, ты должна ей позвонить. Ты с ней говорила, она тебя знает, для нее, наверно, будет важно, если ты ей скажешь, что мы их взяли.

– Ладно, – кивнула Ева.

– Я позвоню свидетелю, – Пибоди перевела дух. – Мне понравилось быть плохим копом. Честно говоря, очень понравилось. Но... у меня вроде как голова заболела.

– Потому что это для тебя неестественно. Твой стиль – прорабатывать детали, устанавливать личный контакт и использовать его, чтобы подозреваемые все тебе выложили. Это хорошее качество, Пибоди. Ты можешь надрать задницу, если нужно, но по-хорошему у тебя лучше получается. А теперь напиши отчет.

– Я ведущий следователь. Разве не я должна тебе велеть писать отчет?

– Я старше тебя по званию, и хватит доить ситуацию, время вышло. Я соберу свои заметки, отошлю их тебе. Позвони свидетелю, напиши отчет, а потом вали домой.

Пибоди кивнула и с трудом поднялась с неудобного Евиного кресла.

– Хороший был день. Правда, не для Оучи, – добавила она, слегка поморщившись, – но... Ты же понимаешь. Слушай, я прямо под кайфом. Может, когда вернусь домой, поиграю с Макнабом в плохого копа.

У Евы задергался глаз, она прижала палец к уголку.

– С какой стати ты взяла, что мне хочется знать о твоих извращенных сексуальных играх с Макнабом?

– Да я-то, по правде говоря, думала попрактиковаться в методах ведения допроса, но раз уж ты об этом упомянула...

– Вон пошла.

– Ухожу-ухожу. Спасибо, Даллас.

Оставшись одна, Ева посидела еще минуту со вскинутыми на стол ногами, допила кофе. Она составит отчет по своим заметкам и напишет Пибоди хорошую характеристику для внесения в личное дело.

А потом она вернется домой, а значит, день и впрямь закончится хорошо.

Ева глянула на часы и выругалась. Черт, она уже опоздала по-крупному. Согласно правилам семейной жизни, она должна позвонить Рорку и сообщить время прибытия.

Но стоило ей повернуться к настольному телефону, как он зазвонил.

– Даллас, отдел убийств.

– Лейтенант. – На экране появилось лицо миссис Оучи. – Простите, что я вас беспокою, но я хотела спросить, может быть, вы... нет ли у вас новостей для меня?

– Вы меня вовсе не побеспокоили, миссис Оучи, я как раз сама собиралась вам позвонить. Мы их взяли. Всех троих. Получили признания. Засадил их за решетку, и прокурор уверен, что добьется обвинения. Они долгие годы проведут за решеткой.

– Вы их поймали?!

– Да, мэм.

Глаза старой женщины вспыхнули все тем же неистовым огнем. Потом миссис Оучи закрыла лицо руками.

– Спасибо. – Она разрыдалась и начала раскачиваться из стороны в сторону. – Спасибо вам.

Ева дала ей выплакаться, а когда на экране появились ее сын и дочь и обняли ее, поддержали с двух сторон, пришлось ответить на их вопросы.

К концу разговора ее ум был полностью сосредоточен на завершении работы, а вот семейные правила вылетели из головы начисто. Покончив с делами, Ева вышла из кабинета и пересекла «загон», помещение для детективов, прозванное так за тесноту, где сидела Пибоди, погруженная в составление отчета.

– До завтра.

– Угу. Чао, – пробормотала в ответ Пибоди.

«Придется Макнабу какое-то время поиграть в плохого копа одному», – подумала Ева, выходя из «загона», и тут же пожалела, что ей пришла в голову эта мысль. А следом пришло запоздалое воспоминание о том, что она так и не позвонила домой.

– Черт! – Ева потянулась за сотовым телефоном.

– Лейтенант! – догнала ее в коридоре детектив Кармайкл. – Мы с Сантьяго работаем по утопленнику. Хотела обговорить с вами пару вопросов.

– Говори на ходу. Я собираюсь домой.

Ева слушала, задавала вопросы, раздумывала, уточняла, спускаясь на эскалаторах, а не на лифте, чтобы дать детективу Кармайкл больше времени. На одном из уровней они остановились. Кармайкл озабоченно подергала себя за мочку уха.

– Можно нам взять сверхурочные, чтобы пробить это дело сегодня?

– Я дам разрешение.

– Спасибо, лейтенант.

– Как тебе работается с новым парнем?

– Сантьяго в порядке. Нюх у него есть. У нас выработался общий ритм.

– Рада слышать. Удачной охоты, Кармайкл.

Ева спустилась на лифте в подземный гараж. Теперь ее мысли были заняты делом об утопленнике, доставшемся детективу Кармайкл, на ходу она оформила по компьютеру разрешение на сверхурочные.

Пришлось ползти в густом потоке машин. Ева попыталась перехитрить других водителей, перестраиваясь с полосы на полосу. К тому времени, как она вспомнила о звонке Рорку, звонить уже не имело смысла: она была почти дома.

«Не буду звонить, – решила Ева. – С Рорком я помирюсь. Наверняка он работает, ждет меня, – думала она, – значит, мы можем вместе славно поужинать. Я сама запрограммирую ужин, что-нибудь изысканное, как он любит... Бутылочку вина откроем. Расслабимся, пообщаемся. Пожалуй, предложу-ка ему посмотреть один из тех старых фильмов, что он так любит. Чинный семейный вечер дома, – пообещала она себе, – а вслед за ним – чинный семейный секс. Никаких убийств, никакого членовредительства, никакой работы, никакого напряжения. Только мы вдвоем. Черт, я даже могла бы выкопать из шкафа один из этих сексапильных прикидов для полноты картины. Типа «соблазни своего партнера». Можно и музыку включить для пущей романтики».

Довольная придуманным планом, Ева на полной скорости проехала в ворота дома. Ее настроение подскочило еще на пару градусов, когда она увидела свет, горящий во множестве окон их великолепного дома. «Мы можем поесть на свежем воздухе, – продолжала фантазировать Ева, – на одной из террас. А можно и на крыше около бассейна, где потрясающий вид на город».

Идеальный план. Бесподобный!

Оставив машину у крыльца и уверяя себя, что все слишком удачно складывается, чтобы морочить себе голову еще из-за Соммерсета, наверняка поджидающего ее в холле с очередной порцией колкостей по поводу позднего возвращения домой, Ева взбежала по ступеням крыльца.

В холле было пусто. От неожиданности Ева даже остановилась на минутку.

Куда подевался Соммерсет?

«Не искушай судьбу», – сказала она себе и побежала вверх по лестнице.

Первым делом Ева заглянула к Рорку в кабинет в полной уверенности, что он там проворачивает какую-нибудь сделку или решает некое сложное уравнение, и страшно удивилась, убедившись, что в кабинете его нет.

Хмурясь, она повернулась к монитору домашнего компьютера.

– Где Рорк?

Дорогая Ева, Рорк на террасе, основной уровень, в задней части, сектор два.

– А что, у нас есть сектора? Который из них второй?

Местоположение подсвечено на карте.

– Хорошо. – Поджав губы, Ева изучила карту дома и мигающую световую точку. – Нашла.

Она направилась вниз.

«Что он там делает? – размышляла Ева. – Может, выпивает с Соммерсетом, что сразу дает ответ на вопрос, куда подевался Соммерсет. Вспоминают старые добрые времена, какие дела проворачивали, какой товар брали, как вламывались в чужие дома. В присутствии копа не станешь говорить о таких вещах. Неудобно, невежливо, что ли. Что ж, пора прервать сеанс ностальгии и...»

Ева застыла на месте, едва выйдя на террасу. Рорк в самом деле сидел там с Соммерсетом, но они не выпивали, во всяком случае не только выпивали, и они были не одни.

Два человека, которых она раньше в глаза не видела, сидели вместе с ними за устланной белой скатертью столом, на котором мерцали в вечернем летнем воздухе свечи, и, очевидно, наслаждались изысканным ужином.

Незнакомая пара, по ее прикидкам, в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет: женщина, чье лицо с большими глазами обрамляло каре, и мужчина с аккуратной эспаньолкой, подчеркивающей худое, угловатое лицо не то ученого, не то школьного учителя.

Все четверо громко хохотали.

Ева почувствовала, как напрягаются ее плечи. В этот момент Рорк поднял свой бокал. Вид у него был спокойный, довольный, красивые, идеальной лепки губы изогнулись в улыбке, пока он слушал незнакомку, которая что-то рассказывала с явным британским акцентом.

Длинные волосы Рорка, великолепная грива цвета ночной тьмы, блестели в пламени свечей. Ева услышала, как он что-то ответил. Его голос был словно насыщен туманами его родной Ирландии. Он, казалось, стелился в пространстве, как дым.

Его глаза, греховно синие, встретились с ее глазами.

– А вот и Ева! – Рорк отодвинул свой стул, встал – высокий и стройный – и протянул ей руку. – Дорогая, иди познакомься с Джудит и Оливером.

Ей не хотелось знакомиться с Джудит и Оливером. Не хотелось разговаривать с незнакомцами с британским акцентом. Не хотелось привлекать всеобщее внимание к тому, что она вернулась домой с опозданием да еще и явилась к гостям вся потная, в перепачканных гудроном брюках после столкновения с тремя задницами на грязной окраине.

Но не стоять же столбом!

– Привет. Простите, что помешала вашей беседе.

Не успела Ева спрятать руку в карман, – даже подумать об этом не успела, – как Рорк схватил ее руку и подвел ближе к столу.

– Джудит и Оливер Уотерстоун, моя жена Ева Даллас.

– Мы давно мечтали с вами познакомиться. – Джудит послала Еве улыбку – такую же яркую и солнечную, как ее волосы. – Мы так много о вас слышали...

– Джудит и Оливер – друзья Соммерсета. Они в Нью-Йорке на пару дней, а потом собираются обратно в Англию.

– Вы тут в Нью-Йорке убийства раскрываете, – начал Оливер. – Наверно, это трудная и потрясающе интересная работа.

– По-разному бывает.

– Я принесу еще один прибор. – Соммерсет начал подниматься из-за стола, но Ева покачала головой.

– Не стоит беспокоиться. У меня еще кое-какие дела есть. – Насколько она могла судить, они уже заканчивали ужин, так какой смысл ей вламываться в их компанию? – Я просто хотела дать тебе знать, что вернулась. Так что... Рада была с вами познакомиться. Приятного аппетита.

Рорк догнал ее, когда она входила к себе.

– Ева. – Он взял ее за руку и притянул к себе для приветственного поцелуя. – Если у тебя срочное дело, я принесу свои извинения и присоединюсь.

– Нет. – В этом случае она почувствовала бы себя взбалмошной бабенкой, поэтому Ева ответила: – Ничего срочного нет. Просто я...

– Ну что ж, в таком случае выйди на террасу, поешь, выпей вина. Пообщайся с людьми. Они тебе понравятся.

Ей не хотелось общаться с этими людьми. В ее жизни уже было столько людей, что она им счет потеряла.

– Слушай, у меня был долгий день, к тому же я вся грязная и потная. Я же сказала: у меня есть еще кое-какие дела. Вот ты и возвращайся к своим гостям, а я делами займусь.

Ева ушла, подрагивая от раздражения при каждом шаге. Рорк смотрел ей вслед.

– Ну что ж... – пробормотал он и вернулся к гостям.

В Центральном полицейском управлении Пибоди закончила и подшила к делу свой отчет, заполнила журнал регистрации убийств и погладила его рукой, как кошку.

«Дело закрыто», – думала она. Она уже позвонила Макнабу, предупредила, что вернется поздно, и поэтому позволила себе еще на несколько минут задержаться, чтобы привести в порядок рабочую станцию. Ей нравилось все приводить в порядок, когда время позволяло.

Все расставляя по местам, Пибоди перебирала в уме этапы расследования. Она была довольна, даже, пожалуй, чуточку самодовольна. Пока не вспомнила пробивший ее защиту удар Лоу и то, как Ева критиковала ее навыки рукопашного боя.

– А ведь она права, – вслух признала Пибоди, тихонько потирая гудящее болью ухо.

Может, стоит вместо игры в плохого копа с Макнабом заняться тренировкой по рукопашной?

Но кончится тем, что они оба вспотеют, разгорячатся и займутся сексом. Что само по себе совсем не плохо, нет, очень даже хорошо, но это ей не поможет, если она и впрямь хочет улучшить свою технику.

Пибоди решила провести час в тренировочном зале прямо в Центральном управлении. Задать программу, которая поможет ей исправить недостатки. А потом она примет душ, переоденется и – вся свежая и сияющая – поедет домой.

И займется привычным добрым сексом.

Пибоди пошла в раздевалку, вынула из своего шкафчика сменную одежду и тренировочный костюм, спрятала все это в вещевой мешок и мысленно отметила для себя, что надо будет принести из дома свежую одежду взамен взятой.

«Новый курс, – сказала она себе. – Каждый день по часу в спортзале... Ну ладно, не каждый день. Такого никогда не будет. Но три раза в неделю?..»

Три раза в неделю – это реально. И никому ничего не говорить. Ну разве что Макнабу. А потом, может через месяц, поразить Даллас своими стремительными ногами и молниеносной реакцией.

Пибоди отправилась в гимнастический зал, обслуживающий ее сектор Центрального полицейского управления Нью-Йорка, но стоило ей переступить порог, она заметила, как с полдюжины копов – настоящие бычары! – качают мышцы, потеют на беговой дорожке и боксируют друг с другом.

Она вспомнила о своей спортивной форме – о мешковатых шортах, об уродском тренировочном лифчике, купленном только потому, что он стоил дешево. А еще Пибоди вспомнила о размерах своего зада. И как вошла, так и вышла.

Она просто не могла туда войти, тем более что там были знакомые копы, и раздеться, остаться в этом уродском прикиде, потеть и пыхтеть рядом с этими тренированными, накачанными, легкими на ногу, играющими мускулами телами. И выглядеть толстой и глупой.

«Вот потому-то, – назидательно напомнила себе Пибоди, – ты никогда и не ходишь в блестящий, сияющий хромом зал в Управлении и не записываешься в фитнес-клуб. Вот потому-то твоя задница так и разрослась, а согласно закону тяготения весь этот вес перемещается вниз, на ноги».

Что ж, придется терпеть. Она решила все-таки войти, уже вставила карточку-пропуск в прорезь, и тут ее посетило воспоминание о старом и не таком блестящем спортзале двумя этажами ниже.

Никто этим залом не пользовался, думала Пибоди, поспешая прочь. Ну... почти никто. Потому что оборудование старое, шкафчики в раздевалке тесные, а из душа вода еле капает.

Но для нее и ее нового курса как раз подойдет.

Пибоди обнаружила, что сенсорная пластинка допуска отключена, и беспрепятственно вошла в пустое помещение. Свет включился, мерцая, когда она переступила порог, потух, снова зажегся и на этот раз продолжал гореть. Ходили слухи о предстоящем ремонте этого тренировочного зала, но она понадеялась, что его оставят в покое. Пусть он обветшал, но ей он послужит персональной спортплощадкой.

По крайней мере до тех пор, пока она не станет легка на ногу и на обтешет свой мегазад до нормального размера.

Пибоди заглянула в раздевалку, прислушалась. Улыбнулась. «Да, моя личная спортплощадка», – подумала она и, выбрав шкафчик наугад, переделалась в безобразный (скоросо она его заменит!) тренировочный костюм. Ей удалось запихать все остальное в шкафчик размером с хлебницу. Чувствуя себя праведницей, она отправилась настраивать свою личную программу тренировки.

Это был первый день в жизни новой – стройной и собранной – Пибоди.

Час спустя она лежала на пыльном полу, еле дыша и чувствуя, что умирает. Поджилки у нее дрожали, мышцы ныли, жиры рыдали, руки горели и звали мамочку не переставая.

– Больше никогда, – пропыхтела Пибоди вслух. – Ноги моей здесь больше не будет. – Нет, будет, – заспорила она с собой. – Не могу. Умираю. Можешь. Господи, помоги, я, кажется, задницу надорвала. Тряпка, нюня. Заткнись.

Она еще немного попыхтела, потом перевернулась и сумела подняться на четвереньки.

– Не надо было брать вот прямо так с места в карьер, надо было начать уровнем ниже. Самоуверенная дура!

Пибоди стиснула зубы, полная решимости добраться до раздевалки и до душевой не ползком.

Но она едва ковыляла.

С трудом отлепляя эластичную ткань от вспотевшего тела, Пибоди содрала с себя лифчик и бросила его на пол. И тут же в голове у нее прозвучал, отчетливо и ясно, строгий

голос матери: «Уважай свои вещи, Ди». Закатив глаза с досады, она подняла насквозь промокший от пота бюстгальтер и зачихнула его вместе с шортами и кроссовками во второй шкафчик, схватила, опасаясь, что в древней сушильной кабине ее шибанет током до смерти, одно из куцых, смахивающих на дверной коврик полотенец и вошла в одну из тесных душевых кабинок.

И тут же вышла, обнаружив, что дозатор жидкого мыла пуст. Пришлось пройти весь ряд кабинок до конца, пока она не нашла одну, где в дозаторе еще оставалось с полчайной ложки густой зеленой жидкости.

Вода была скорее холодной, чем теплой, и не лилась струей, а скорее капала, как из испорченного кухонного крана, но Пибоди решила не ныть. Она поворачивалась правым боком, левым, грудью, спиной, пока кое-как не смыла с себя пот.

К тому времени, как Пибоди намылилась и сполоснулась, она стала чувствовать себя почти нормально и уже начала предвкушать, как купит мороженое по дороге домой. Конечно, не настоящее сливочное – ей такое не по карману, да и вредно для фигуры, – но она знала одно место неподалеку от дома, где продавались немолочные десерты, очень даже неплохие. Чертовски вкусные!

И она это заслужила, решила Пибоди, заворачивая краны. Черт, она это заслужила. Схватив полотенце, Пибоди принялась энергично вытирать волосы. Вытерла лицо, шею и вышла из кабины, чтобы свободнее было маневрировать «дверным ковриком», и вдруг услышала громкие голоса. Звучно хлопнула дверь раздевалки.

– Не морочь мне голову, Гарнет! Ты облажался, сам прекрасно знаешь! И нечего спорить!

Женский голос, разгоряченный и злой, эхом прокатился по старым, с осыпающейся плиткой, стенам.

Пибоди открыла было рот, чтобы предупредить вошедших, что они не одни, когда услышала мужской голос – такой же раздраженный и злой.

– Не вали на меня, это у тебя все вышло из-под контроля.

Пибоди взглянула на свое голое тело, на жалкое подобие полотенца и втиснулась обратно в кабинку. В самый дальний угол.

– Это у меня все вышло из-под контроля? Об одном жалею: зря я тебе доверила разобраться с Кинером. Он ушел у тебя из-под носа, и это стоило нам десяти килограммов товара.

– Это ты говорила, что с ним проблем не будет, Рене, это ты на него надавила, чтобы вез товар, хотя знала, что он может дернуть.

– А я тебе сказала: обработай его. Надо было самой.

– Вот тут я не спорю.

– Черт бы тебя побрал, Гарнет!

Кто-то – вероятно, женщина – толкнул дверь одной из душевых кабинок. Пибоди услышала, как эта дверь стукнулась о стену. И перестала дышать.

– Вот уже шесть лет я руковожу операцией. Не забывай об этом, Гарнет, и даже не пытайся меня провоцировать. Помни, что с тобой может случиться.

– Не вздумай мне угрожать.

– А я не угрожаю, я тебя предупреждаю. Я здесь главная, и под моим руководством ты наварил неплохой куш за последние несколько лет. Вспомни свой уютный домик на островах, все свои дорогие игрушки, с которыми ты так любишь играть, женщин, которых ты привык покупать. И вспомни, что ничего этого у тебя бы не было на зарплату копа. Ничего этого у тебя бы не было, если бы я тут всем не заправляла.

– Я все это помню, но и ты не забывай: ты получаешь самый большой кусок от каждого пирога.

– Я свою долю зарабатываю. Это я взяла тебя в дело, я помогла тебе разбогатеть. Хочешь остаться в деле, думай, прежде чем тащить меня в какую-то вшивую раздевалку и предъявлять мне претензии.

– Здесь никогда никого не бывает.

Опять хлопнула дверца душевой кабины, на этот раз ближе к Пибоди. Холодный пот выступил на ее лбу.

Голая, оружие в шкафчике. Никакой защиты, кроме кулаков. Она их сжала, держа руки по швам.

Если вдруг Макнаб позвонит ей, если ее мобильник засигналил, ей конец. Если кто-то из стоящих за дверью, всего в нескольких шагах, стукнет по этой двери от злости, услышит ее, унюхает, она окажется прижатой к стене. Выхода нет.

Плохие копы. Очень плохие копы. Рене, Гарнет. Не забыть, не забыть. Кинер. Запомнить все детали, на случай, если повезет остаться в живых. Пибоди вскинула голову и с ужасом увидела, как из головки душа величиной с кулачок выскальзывает капля.

Дыхание у нее перехватило. Она протянула руку и поймала каплю. Ей показалось, что звук капли, шлепнувшейся на ладонь, прозвучал как удар молота.

Но они продолжали спорить. Потом женщина – Рене, Рене! – вздохнула.

– Мы топчемся на месте. Мы же команда, Гарнет, но в каждой команде есть свой командир. Это я. Может, у тебя с этим проблемы? Может, это потому, что мы когда-то вместе спали?

– Это ты со мной порвала.

– Потому что теперь это бизнес. Будем держаться деловых отношений – будем богатеть. А когда я стану капитаном... что ж, мы расширим дело. Ну а пока нет смысла спорить из-за Кинера. Я об этом позаботилась.

– Черт тебя побери, Оберман. Чего ж ты мне сразу не сказала?

«Оберман, – твердила себе Пибоди. – Рене Оберман. Имеет звание, рвется в капитаны».

– Потому что ты мне досадил. Просто зла не хватает! Я поручила это нашему мальчику. Дело сделано.

– Ты уверена?

– Ты же знаешь, как он хорош. И я же сказала: дело сделано. Когда его найдут, это будет выглядеть как обычный передоз. Просто еще один ширяльщик вкачал себе слишком много дерьма. Никто не станет в этом копать, никому дела нет. Тебе просто повезло, что Кинер не успел далеко уйти и десять кило все еще были при нем.

– Ты что, шутишь? Издеваешься надо мной, мать твою?

В ее смехе зазвенела сталь.

– Я никогда не шучу, если речь идет о деньгах. Учти, я вычту десять процентов из твоей доли в премию нашему мальчику.

– Черта с два ты...

– Скажи спасибо, что хоть что-то получишь. – Эти слова прозвучали как удар и угроза: дальше будет хуже. – Кинер был ценным орудием, если им правильно управлять. А теперь нам придется искать ему замену. Ну а пока...

До Пибоди донесся легкий шлепок по двери кабинки. Ее кабинки. Она увидела, как дверь приоткрывается на щелку. Выступивший у нее на коже пот превратился в лед. Она вновь стиснула кулаки.

В щелку она увидела плечо, локоть в красном рукаве, ногу в туфле на высоком каблучке.

– И никаких больше встреч в раздевалках. – Тон Рене изменился, теперь ее голос звучал холодно и бесстрастно, даже властно. – Держи себя в руках, Гарнет, не теряй головы, если хочешь загорать на островах. А сейчас у меня горячее свидание, и я уже опаздываю по твоей милости. Ну-ка проводи меня, будь хорошим мальчиком.

– Ну ты и штучка, Рене.

– Это точно. Я очень тонкая штучка.

До Пибоди донесся ее смех, прокатилось эхо. Голоса смолкли вдали.

Пибоди закрыла глаза и замерла на месте, заставила себя медленно досчитать до ста. В уме она воспроизвела план раздевалки, прикинула расстояние до шкафчика, в котором оставила оружие.

Она опасливо приоткрыла дверь, окинула взглядом помещение, втянула в себя побольше воздуха и сделала бросок к шкафчику. Она перевела дух, только когда оружие было у нее в руках.

Все еще голая, Пибоди подошла к двери, ведущей в спортзал, и чуть-чуть приоткрыла ее.

Темно, отметила она. Свет отключается автоматически, если помещение остается пустым больше чем на минуту. И все же она внимательно осмотрела зал. Только после этого она вернулась обратно.

Все еще сжимая в руке оружие, Пибоди извлекла телефон.

– Привет, Пибоди! – усмехнулся ей с экрана Макнаб и окинул ее похотливым взглядом. – Эй, да ты голая! И такая... такая аппетитная...

– Заткнись! – Пибоди затрясло, она никак не могла остановить дрожь. – Ты должен приехать, встретить меня в Управлении. У южного выхода. Возьми такси, Макнаб, и не отпускаяй. И давай побыстрее.

Он больше не усмеялся, не отпускал шуточек. Его глаза теперь были глазами не влюбленного мужчины, а копа.

– Что случилось?

– Я тебе при личной встрече расскажу. Мне надо выбраться отсюда. Приезжай скорей.

– Детка, считай, я уже там.

3

Рорк дал Еве время повариться в собственном соку, раз уж ей самой того хотелось. Он с удовольствием закончил ужин в приятной компании за интересным разговором.

Ему всегда нравились истории из прошлого Соммерсета, и уж тем интереснее было послушать их в разных версиях, с подробностями, из уст старых друзей человека, заменившего ему отца. И ему приятно было наблюдать, как Соммерсет оживленно разговаривает с ними, смеется и шутит. Вспоминает вместе с ними.

Рорк и сам хорошо знал Соммерсета, они многое пережили вместе с тех пор, как Соммерсет взял к себе в дом избитого, полуживого, изголодавшегося подростка, но не раз уже убеждался, что ему еще многое предстоит узнать.

Он не спеша, с наслаждением выпил кофе и бренди, позволил себе немного десерта, прежде чем простился с гостями и пожелал им спокойной ночи.

Домашняя система оповещения подсказала ему, что он найдет Еву в спальне.

Ева переделалась в легкие брюки и футболку без рукавов – одежду, которую предпочитала дома. Рорк ощутил идущий от нее запах свежести после душа, когда наклонился, чтобы чмокнуть ее в макушку. Она сидела, угрюмо скорчившись над куском пиццы.

– Ты пропустила чудесный ужин, – сказал он, снимая пиджак. – И прекрасную компанию.

– У меня были дела.

– Гм, – Рорк ослабил галстук и распустил его. – Ты так и сказала в момент своего тридцатисекундного появления.

– Слушай, у меня был долгий день, и я не думала, что, придя домой, застану званый ужин. Никто меня не предупредил.

– Мы сами не ждали. Это была импровизация. Извини, – продолжил Рорк с ироничной любезностью, – но я и не подумал, что должен тебя извещать всякий раз, когда Соммерсет приглашает меня отужинать со своими друзьями.

– Я этого не говорила. – Ева обиженно откусила пиццу. – Просто сказала, что я не знала.

– Ну что ж, если бы ты мне позвонила и дала знать, что вернешься поздно, я бы тебе сказал.

– Я была занята. У нас новое дело.

– Сногшибательная новость.

– Чего ты так завелся? – вышла из себя Ева. – Это я должна злиться: я пришла домой, а налетела на вечеринку.

Рорк сел, чтобы снять башмаки.

– Представляю, какой это был шок: духовой оркестр, гульба, пьяные вповалку. Но ведь так бывает, когда взрослые оставляют детей одних без присмотра.

– Хочешь на меня злиться? Прекрасно. Злись. – Ева отодвинула пиццу. – Я была не в настроении общаться с незнакомцами.

– Ты это дала понять совершенно недвусмысленно.

– Я их не знаю! – Ева вскочила на ноги и вскинула руки. – Я целый день провозилась с тремя дуболомами, которые убили старика ради горсти чертовых конфет. Черта с два я приду домой и буду проводить время за столом с Соммерсетом и его дружками, слушать, как они вспоминают старые добрые времена, когда вместе дурили лохов и сшибали набитые кошельки. Я весь день провела с уголовниками, так еще и вечером любезно просить их передать мне соль? Не хочу! Не хочу, и все.

Рорк помолчал.

– Что ж ты не договариваешь? Ты уж скажи прямо, напомни мне, что ты вышла замуж за уголовника. Ладно, можно считать, что это и так понятно.

Ева хотела было возразить, но еле сдерживаемое негодование в его голосе, холод в этих ослепительно синих глазах ледяной стеной встали между ними.

– Джудит – нейрохирург, заведует отделением в одной из лучших лондонских больниц. Оливер – историк и писатель. Если бы ты им уделила всего пять минут твоего драгоценного времени, узнала бы, что они познакомились и работали вместе с Соммерсетом медиками во время Городских войн, когда оба были еще подростками.

Ева стиснула кулаки.

– Хочешь, чтобы я почувствовала себя дерьмом? Не надейся!

На самом деле она, конечно, чувствовала себя полным дерьмом, и это лишь подстегивало ее огненный гнев против его ледяного.

– Я не знала, что происходит, потому что мне никто не сказал. Мог бы мне позвонить, тогда бы я хоть знала, что нарвусь на званый ужин, когда вернусь с работы, потная и грязная с головы до ног.

– Раз уж ты не побеспокоилась дать нам знать, когда вернешься домой, мне оставалось предположить, что ты занята чем-то важным. И будь я проклят, Ева, если начну трезвонить тебе и спрашивать, что ты делаешь и когда вернешься домой, как какой-нибудь ревнивый муж.

– Я собиралась тебе позвонить. Дважды начинала – и каждый раз меня отвлекали. А потом я забыла. Я просто забыла, черт возьми! Ну убей меня! Это ты женился на копе, теперь тебе с этим жить.

Он вскочил, подошел к ней. Она продолжала ругаться.

– Бросить за решетку плохих парней – самую чуточку важнее, чем вернуться домой вовремя, чтобы пообедать с людьми, которых я не знаю.

Не сводя с нее глаз, Рорк стукнул ее по плечу. Ева от неожиданности открыла рот.

Она принялась яростно топтать ногами по полу.

– Что ты делаешь? – удивился Рорк.

– Пытаюсь убить тарантула. Как я понимаю, ты мог меня ударить по единственной причине: у меня на плече сидел огромный ядовитый паук.

– Всего лишь хотел привлечь твое внимание. Ты слишком зацкливаешься на своих мнимых обидах.

Ева отошла от него подальше, чтобы не поддастся искушению, а то бы убила. Она со злостью посмотрела на автоповара.

– Как запрограммировать эту штуку на кружку горячей хрени?

– Дети! – раздался в дверях голос Соммерсета.

Они разом повернулись и прорычали:

– Что?

– Извините, что прерываю ваши игры. Кстати, в следующий раз, когда захотите вести себя как парочка кретинов, закрывайте дверь, потому что я слышал вашу остроумную перепалку с другого конца коридора. Но к делу! Детективы Пибоди и Макнаб находятся внизу. Она выглядит чрезвычайно расстроенной. Просила передать, что ей необходимо с вами поговорить. Это срочно.

– Черт! – Ева бросилась в гардеробную взять туфли, мысленно пытаясь сообразить, что же могло случиться. Неужели они в чем-то ошиблись? Что-то пропустили?

– Они ждут в гостиной. Да, кстати, Джудит и Оливер просили передать вам, что надеются увидеть вас в следующий раз, когда у вас будет больше времени.

Еве успела поймать ледяной взгляд Соммерсета, прежде чем он испарился, и решила, что ей, наверное, придется испить чашу унижения до дна и почувствовать себя полным дерьмом. Но не сейчас. Позже.

– Можешь вниз не ходить, – сухо сказала она Рорку. – Я сама с этим справлюсь.

– Еще минута, и я стукну тебя по-настоящему.

Он вышел первым, не пропустив ее в дверях.

Они замкнулись в негодующем молчании на всем пути в гостиную, оформленную в ярких красках и обставленную антиквариатом. Посреди всего этого великолепия, потрясающих картин и сверкающего хрусталя сидела Пибоди, бледная как полотно. Макнаб крепко обнимал ее за плечи.

– Даллас. – Пибоди поднялась на ноги.

– Какого черта, Пибоди? Эти три идиота совершили побег из тюрьмы?

Пибоди не улыбнулась в ответ.

– Если бы!

Когда Пибоди снова села, Ева опустила на кофейный столик напротив нее, чтобы их глаза были на одном уровне.

– У тебя неприятности?

– Не сейчас. Но были. Я должна была приехать, рассказать тебе. Я просто не знаю, что делать.

– Насчет чего?

– Начни сначала, Ди, – посоветовал Макнаб. – А то будешь то и дело перескакивать с одного на другое. Просто начни сначала.

– Да, ладно. Я... э-э-э... погоди. Я покончила с бумажной работой и решила провести часок в спортзале, попрактиковаться в рукопашной. Ты же говорила, это мое слабое место. Я пошла в спортзал на втором этаже.

– Господи, зачем? Это же дыра!

– Вот именно. – Пибоди перевела дух. Впрочем, Ева на это и рассчитывала. – Это и вправду дыра, поэтому никто туда не ходит, а у меня костюм старый и уродский, я просто не хотела потеть и пыхтеть на глазах у всех этих накачанных парней в новом зале. Прозанималась час и перестаралась.

Пибоди нервно провела пальцами по волосам, которые так и не удосужилась причесать.

– Я просто выдохлась, испеклась, понимаешь? Пошла в душ. Все свои вещи рассовала по двум шкафчикам. Только я вымылась, начала вытираться, вышла из кабинки, потому что в ней тесно, как вдруг хлопает дверь раздевалки и входят двое. У них горячий спор.

– Вот, возьми. – Рорк сунул ей в руку бокал с вином. – Выпей!

– О боже, спасибо.

Макнабу Рорк предложил пива, прекрасно зная, что ас электроники из отдела электронного сыска предпочитает именно этот напиток.

Пибоди глотнула вино и перевела дух.

– Женщина, жутко обозленная. Только я открыла рот, хотела крикнуть, что они тут не одни, пусть спорят где-нибудь еще, как вступил мужчина. Я в этой клятой кабинке, без единой нитки, если не считать казенного полотенца, а им пару вшей не накроешь. Ну, я отступаю в самый дальний угол и молю бога, чтобы они ушли. Но они не ушли, и я слышу, как они говорят, что она руководит операцией, а он все изгадил и они на этом потеряли десять кило товара. Боже!

– Притормози немного, Ди, – прошептал Макнаб, усердно растирая ладонью ее коленку.

– Ладно, ты прав. В общем, они наускаивают друг на друга, а я понимаю, что они говорят не о полицейской операции, а о побочной. И долгосрочной, Даллас. Пара грязных копов стоит у дверей душевой кабинки и рассуждает о товаре и прибыли, о домах на тропическом острове. И об убийстве. Я голая, прячусь в этой дурацкой кабинке, и ходу мне нет. Оружие в шкафчике. Телефон тоже. А они начали хлопать дверьми кабинок... Я могла оказаться в одной из этих кабинок, если бы там было мыло.

Пибоди шумно вздохнула и откинулась на спинку дивана.

– Я знаю, что такое страх. Бывают случаи, когда или тебе страшно, или ты вообще без мозгов. Но это... В общем, они закончили спор, успокоились, и тут она вроде как шлепает рукой по дверце кабинки – моей кабинки. И дверь приоткрывается. Я вижу ее руку, прикид, туфли... Стоит ей повернуться хоть чуть-чуть, и мне конец. Я ж стою голая в кабинке, и в руках у меня ничего нет.

Макнаб продолжал усердно растирать ее колено, но его смазливая физиономия затвердела, как камень.

– Ядохнуть не могу, шевельнуться не могу, еще секунда – и они меня увидят. И я знаю: если они меня увидят, я мертва. Тут без вариантов. Но они ушли, они меня так и не заметили. Я вылезла из этой чертовой кабинки, позвонила Макнабу, велела ему взять такси, забрать меня и привезти сюда. Чтобы тебе рассказать, Даллас.

– Имена? – потребовала Ева, и Пибоди в который раз судорожно перевела дух.

– Гарнет, она называла мужчину Гарнетом. А он называл ее Рене. Оберман. Рене Оберман. Это она всем заправляет.

– Рене Оберман и Гарнет. Описание?

– Его я вообще не видела, а вот она блондинка, рост примерно пять-четыре, ну или пять-пять, как мне кажется. Она была на каблуках, но я думаю, не ошиблась. Белая. Голос громкий, пронзительный... по крайней мере, когда злится.

– Звания они называли?

– Нет, но она сказала, что когда станет капитаном, они расширят бизнес. Она несколько раз назвала это бизнесом. И они раньше были любовниками.

– Имена проверил? – повернулась Ева к Макнабу.

– Пока нет. Пибоди была в полном раздрае.

– Она приказала убить кого-то по имени Кинер, сказала, что велела их мальчику об этом позаботиться и чтобы это выглядело как передоз. Кинер – наркоман, они его использовали. Он хотел сбежать, прихватив десять кило товара. Гарнет должен был держать его на коротком поводке, но Кинер от него ускользнул. Вот поэтому они и ссорились. Они вернули себе десять кило товара: она дала знать Гарнету, когда сделала ему выволочку. А еще она сказала, что вычтет десять процентов из его доли в уплату мальчику, убийце. Это была деловая встреча.

– Как тебе показалось, они часто встречались в этом месте?

– Нет, совсем наоборот. Она ужасно разозлилась, что он притащил ее в эту, как она сказала, «вшивую раздевалку». Она сказала, что больше она там с ним встречаться не будет. Шесть лет, – вспомнила Пибоди. – Она сказала, что руководит делами уже шесть лет. И судя по тому, как она говорила об этом «мальчике», сразу стало понятно, что Кинер – не первый, кого она просила убрать.

– Кто-нибудь видел тебя на входе в спортзал? Или на выходе?

– Нет. – Пибоди замолчала, подумала, вспоминая. – Нет, честное слово, вряд ли. Там как в могиле.

– Хорошо.

– Извини, – добавила Пибоди. – Я и сама понимаю, отчет паршивый. Все никак в себя не приду.

– Ты дала мне имена, частичное описание, детали, и мы можем воссоздать по ним картину: копы работают налево, – похоже, толкают наркоту – и заказывают убийства. Макнаб, отлепись от Пибоди и займись именами. Начни с отдела наркотиков в Центральном управлении. Ты найдешь там лейтенанта Рене Оберман. Я знаю, кто она такая, но ты все-таки проверь, уточни. И найди мне этого Гарнета.

– Ты ее знаешь? – ахнула Пибоди.

– Знаю, кто она такая, знаю, что ее отец – майор Маркус Оберман. Отставной.

– Ни фиги себе! Святой Оберман? Он был главным в Центральном управлении до Уитни. – Вся кровь до последней капли отлила от лица Пибоди. – О боже, во что же я влипла?

– Как бы это ни назвать, это большая, грязная и вонючая куча, поэтому работать мы будем осторожно и тихо, строго по правилам.

– Детектив Уильям Гарнет, – объявил Макнаб, оторвав взгляд от карманного компьютера. – Детектив второго класса, последние четыре года приписан к отделу наркотиков Центрального полицейского управления под началом лейтенанта Рене Оберман.

– Ладно, давайте-ка перенесем это дело наверх. Макнаб, добудь мне копии удостоверений, фотографии и любые данные по этим двум. Все, что сможешь найти. Только незаметно, смотри не сбей сигнальные флажки. Пибоди, составь мне полный отчет – связный и подробный, под запись. Этот Кинер, скорее всего, начинал осведомителем либо у Гарнета, либо у самой Оберман. Мы его найдем.

– И что мы будем с этим делать? – спросила Пибоди.

Ева посмотрела прямо в глаза напарнице. Ее взгляд был холоден и бесстрастен.

– Мы все это упакуем очень плотно, увяжем воедино и выложим на стол Уитни и Бюро внутренних расследований. Кроме них и находящихся в этой комнате, никто не услышит ни полслова об этом деле вплоть до особого распоряжения.

– Майор Оберман. Он же... он же живая легенда. Он как бог.

– Да хоть сам Христос во втором пришествии, мне плевать. Его дочь – грязный коп. Она грязный коп, Пибоди. Пересечение синей линии создает положение вне закона. Давай-ка приниматься за работу.

– Ты ничего не ела, – вставил Рорк, погладив Пибоди по волосам.

– Это верно.

– Она будет лучше работать, если поест хоть немного, – сказал он Еве.

– Ты прав. – Ева погасила нетерпение, как гасила бушующее в душе пламя ярости, пока слушала рассказ Пибоди. – Нам всем надо заправиться, а уж потом займемся делом.

– На меня трясушка напала после всего этого, – призналась Пибоди, – и меня до сих пор пробирает, хотя сейчас мне уже лучше. Надо позвонить маме, сказать ей спасибо.

– За что? Мама-то тут при чем?

– Я бросила свой уродский костюм на пол в раздевалке. Я бы его там и оставила, он весь промок от пота, но тут я будто услышала мамин голос. Она всегда говорила мне, что надо уважать свои вещи. Это я и услышала. Если бы я оставила на полу свои вещи, они бы их увидели, они бы меня нашли. И тогда я бы не смогла рассказать тебе, что дочь святого Обермана – грязный коп.

– Маму ты завтра с утра поблагодаришь, – распорядилась Ева. – А сейчас давай работать.

– Как насчет бифштекса? – спросил Рорк, обнимая Пибоди за плечи, когда она встала.

– Честно-честно?

Он чмокнул ее в макушку, и она покраснела.

– Меню предоставь мне. Ты храбрая девочка, Пибоди.

– Да у меня душа ушла в пятки.

Рорк поцеловал ее еще раз.

– Ты же не будешь спорить с человеком, который хочет угостить тебя бифштексом.

У себя в кабинете Ева приготовила доску, пока Пибоди и Макнаб ели. Рорк все сделал правильно: покормил, напоил, приласкал и успокоил. Он умел попасть прямо в точку в подобных делах.

Да и вообще лучше было дать Пибоди время прийти в себя, отдышаться, а уж потом приступать к делу, обещавшему стать не только трудным, но и отвратительным.

– А она красивая, – заметил Рорк, изучая идентификационную фотографию Рене Оберман на доске.

– Да, и она, говорят, умеет пользоваться своей внешностью, как и репутацией отца. Ходят такие слухи, тихие, приглушенные, но ходят. Я...

Ева покачала головой и вышла из комнаты.

– В чем дело? – спросил Рорк, выходя следом за ней.

Ева заговорила, понизив голос:

– Если бы они ее обнаружили, они бы ее убили. Этого никак не обойдешь. На этот счет Пибоди была права.

– Наверняка это было ужасно – вот так оказаться в западне.

– Мы сегодня поцапались с тремя придурками, и один из них врезал ей пару раз довольно крепко. Я ей сказала, что она тяжела на ногу, что ей надо поработать над техникой кулачного боя. И что она сделала? Пошла в пустой дрянной спортзал. Если бы дело повернулось по-другому, в этом чертовом спортзале нашли бы ее тело. Ей заехали по уху, а мне больше всех надо, да? Я не могу сказать: со всеми бывает. Мне непременно надо сказать ей, чтоб поработала над техникой, дралась получше.

– Ты все правильно сделала. В следующий раз она могла схлопотать по уху ножом, а не кулаком. Ты не только ее напарница, Ева, ты все еще ее обучаешь. Я считаю, что до сих пор ты блестяще справлялась с задачей. Она пошла в спортзал, потому что хочет совершенствоваться и – да, потому что хочет отвечать твоим высоким требованиям. Дело не повернулось по-другому, – напомнил Рорк. – А если бы повернулось, хотя мне тошно даже думать об этом, да и тебе тоже, это было бы на совести этих, с позволения сказать, копов. И тебе это отлично известно.

Ева с шумом втянула в себя воздух.

– Ты все еще на меня злишься.

– Это верно. И ты тоже на меня злишься. Но мы оба понимаем, что сейчас есть вещи поважнее.

«Вот тут мы можем рассчитывать друг на друга, – подумала Ева. – Оба будем держать оборону, когда надо ее держать».

– Итак, перемирие.

– Согласен. Мне она тоже дорога.

У Евы защипало глаза, она прижала к ним пальцы.

– Не вздумай меня лапать, – предупредила она. – Мне надо держаться. – Она уронила руки. – Пибоди на меня рассчитывает, я должна держаться.

– Ты и будешь держаться.

Рорк все-таки обнял ее, провел рукой по ее волосам. Потом зажал между пальцами прядь ее волос и дернул со всей силы.

– Эй, у нас же перемирие!

– Видишь, ты уже опять злишься. Тебе это поможет лучше работать.

Он вернулся в кабинет.

Ева взяла себя в руки. Вскоре она забыла, что надо сохранять хладнокровие, стала держаться просто потому, что так было всегда. Она вошла в рабочий ритм и присоединилась к Рорку.

– Мы не можем проверять их финансы, даже на первом уровне: они сразу насторожатся. Искать закопанные счета и недвижимость? Нечего даже и думать.

Ева перехватила взгляд Рорка и догадалась, что он думает о своем незарегистрированном оборудовании. Никаких сигнальных флажков не собьешь. Но она еле заметно покачала головой. В этом деле придется строго придерживаться правил, не отступая ни на миллиметр.

– Если мы пойдем с этим в Бюро внутренних расследований, – начала Пибоди, – если пойдем с тем, что у нас есть, все может провалиться. Не так уж много у нас есть, да и то с чужих слов. Это даст Рене... Язык не поворачивается называть ее Оберман, сразу вспоминается ее отец. В общем, это даст Рене и другим время сбежать, или прикрыться, или сбросить улики. Наверняка у них есть планы на всякий пожарный случай, пути отхода.

– Ничего, я смогу с этим работать. Я собираюсь позвонить Уэбстеру.

И опять Ева перехватила взгляд Рорка, заметила его изогнутую бровь. «Стоит назвать имя Уэбстера в этой комнате, – подумала она, – и мы, наверное, до скончания века будем вспоминать, как Рорк выколотил из него тут все дерьмо и всю мебель разнес в щепки».

– Я ему все это выложу, но с условиями, – продолжала она. – Я сумею это устроить, особенно если Уитни скажет свое веское слово. Будем держать дело в секрете, сколько сможем.

– Кинер! – Макнаб вскинул кулак в воздух и описал круг в крутящемся кресле Евы, отчего его длинные светлые волосы, стянутые в конский хвост, взлетели в воздух. Потом он ткнул указательными пальцами обеих рук в ее компьютер. – Нашел его! Прокрутил пару перекрестов по ее закрытым делам, подмешал туда другие из разных мест, сравнил списки свидетелей и подозреваемых, как в стандартном поиске...

– Просто дай мне Кинера, Макнаб.

– Кинер Рикки. Кличка Сочник. Не могу установить, был ли он стукачом, это их сразу насторожит, но досье у него длинное. Хранение, хранение с целью распространения, кое-что по мелочи, и взяли его за продажу целого чемодана с разными веселыми наборами паре агентов под прикрытием. Одним из них, указанным как офицер, произведший арест, была наша девочка. Рене.

– Выведи данные на экран, – приказала Ева и пролиستала их. – Гляди, он получает испытательный срок, общественные работы, принудительное лечение. Мы тут имеем сделку. Она его завербовала, он стал ее стукачом, скунсом, чтобы получить билет на выход из тюрьмы. С таким послужным списком должен был хотя бы года три оттрубить железно. И когда все это случилось? Шесть лет назад.

– Шесть лет? Она говорила, что шесть лет ведет эту операцию, – вставила Пибоди.

– Значит, этот Кинер мог послужить ей трамплином. Ее входным билетом. – Ева прошла в зад-вперед перед доской. – Он что-то знает. Предлагает какую-то инфу. «Слушай, я могу сдать тебе того и этого, но ты меня отсюда вытащи». Или наоборот, она уже ищет возможности, уже раскручивает дело и видит в нем ценный кадр. Как бы там ни было, это поворотный момент.

– Он мертв. Она не оставила сомнений на этот счет, – добавила Пибоди.

– Ну, значит, мы найдем его труп. Если «ее мальчик» сумел найти живого Кинера, мы сумеем найти мертвого. – Ева снова прошла по кабинету. – Не на квартире. Он собирался бежать, причем с деньгами. У него где-то есть дыра, тайное место, он думал там отсидеться. Заметь точки его арестов, по какому адресу проживал, где ошивался, где работал, если он где-то когда-нибудь работал. Согласно показаниям Пибоди, Рене говорила, что далеко он не ушел. Давайте составим карту его территории, исследуем вероятности, установим, где он мог прятаться.

– Думаешь, тот парень, которого она натравила на Кинера, оставил следы? Мы поэтому ищем тело? – спросила Пибоди.

– Не исключено. Маловероятно, но не исключено. Но главное не это. Мы хотим найти тело, потому что хотим начать дело. Потому что Кинер теперь – наш осведомитель.

– Афера, Пибоди, – объяснил ей Рорк. – Ты ведешь дело, значит, ты контролируешь ситуацию. Они ставят на то, что это передоз, а мы сделаем это расследованием убийства.

– Это может сработать, – согласилась Ева. – В любом случае ей придется вылезти из норы и опознать его как своего осведомителя: это стандартная процедура. И пусть только попробует уклониться, мы ей за это врежем не по-детски. А дальше прикинемся, что мы такие строгие-строгие, соблюдаем все правила. Пусть она нам выложит все подробности работы с Кинером, мы на этом настоим. Затребуем полную информацию – время, даты... Все это должно быть в ее файлах. Черт, да мы же пытаемся выяснить, кто убил этого болвана! У меня в отделе убийств труп – это труп, мы к нему относимся со всем уважением, и неважно, кем он был при жизни.

– Ты хочешь ее разозлить?

– Я на это рассчитываю. Нет, поправка: я это предвкушаю. Дай мне вероятности, Макнаб, и мы откроем охоту на скунса.

– Надо бы найти тело, прежде чем ты пойдешь к Уитни и Уэбстеру, – сказала Пибоди. Ева согласно кивнула.

– Вот теперь ты верно мыслишь. Кинер осязаем, мертвый Кинер – реальное доказательство твоих слов. Но у нас есть и кое-что еще. Это Рене произвела арест. Она – офицер со званием. Она возглавляет отдел, она – дочь уважаемого, черт, высокочтимого майора, бывшего начальника Центрального полицейского управления. Она работает в полиции восемнадцать лет, у нее безупречный послужной список.

– А если я просто настучу на нее, Бюро внутренних расследований займется мной, – вздохнула Пибоди.

– Можешь об этом не беспокоиться, – посоветовала ей Ева.

– Ладно, не буду. Я уже пришла в себя, и теперь мне ужасно хочется ей отплатить за каждую секунду в этой паршивой душевой кабине. Это помимо того и наряду с тем, что надо разобраться по закону с грязным копом.

– В этой душевой кабине ты сидела голая, – напомнила Ева.

– И мне ничего другого не оставалось, как шлепнуть их полотенцем, если бы они заглянули в кабину.

– Мы им отплатим, – пообещала Ева и бросила взгляд на Рорка.

Он работал с Макнабом. Рорк во фрачной рубашке и брюках, сшитых на заказ, Макнаб – в розовых шортах по колено с многочисленными карманами и в желтой, как лютик, футболке в надписью «Электронный ас» кричаще красными буквами поперек его тощей груди.

«Электронщики, – подумала Ева, – они и есть электронщики, что бы на них ни было надето».

– Вот твоя карта, – объявил Рорк, кивнув на стенной экран. – А вот самые вероятные места.

– Неплохо. Такие, как он, любят держаться знакомой территории, бизнес крутят в границах нескольких кварталов, где знают ситуацию, пути отхода, проходные дворы.

– Если он собирался сбежать, разве не оставил бы свою привычную территорию?

Ева бросила взгляд на Макнаба.

– Вспомни, что подслушала Пибоди. Смотри, какая хронология выплывает из их разговора. У них горячий спор, а это значит, что прокол случился только что. Удар по Кинеру был только что заказан и исполнен. Гарнет об этом даже не знал. Добавь к этому, что на кону стоят десять кило. Им пришлось действовать оперативно. Судя по досье Кинера, в голове у него горит не самая яркая лампочка. Ему хватило ума не ходить домой, но не хватило – чтобы покинуть «зону комфорта». Он еще не сбежал, он залег на дно. Значит, еще не собрал все

дерьмо. Мы найдем его в этой зоне, именно там, где его нашел убийца. – Ева внимательно взглянула на карту. – Исключите все, за что надо платить. Никаких съемных квартир.

Рорк отредактировал карту. Она, как по волшебству, подчинилась его приказу.

Ева хорошо знала этот район с его бомжами, дешевыми уличными проститутками, любителями нюхать клей и ширяльщиками. Даже уличные грабители сюда не заглядывали: брать было нечего.

– Мне нравятся вот эти пять точек. Работаем расчетами по двое. Мы дадим вам машину. Неприметную, – добавила Ева и увидела, как вспыхнуло радостью лицо Макнаба.

Он пожал плечами.

– Наверно, так и надо.

– Именно так. Мы с Рорком возьмем вот эти две территории, Пибоди и Макнаб – вот эти. Если по нулям, встречаемся вот здесь, в пятом месте. Ничего не найдем – пересмотрим карту и расширим поиск. У кого-нибудь из вас вытяжное оружие при себе есть?

Получив отрицательный ответ, Ева закатила глаза к потолку.

– Придется снабдить вас и оружием тоже. В этом районе обитают не очень приятные люди. Мы должны заизолироваться. Не хочу оставить ни единого следа нашего пребывания. На месте ничего не трогать, ни с кем не разговаривать. Не задавать вопросов. Войти, осмотреть все, выйти.

– А если мы найдем труп? – спросила Пибоди.

– Выйдите, дайте мне знать и уходите. Встретимся здесь. Я получу некий анонимный звонок по поводу трупешника. Включить запись и не выключать до конца операции, а это значит, прикрутить языки и не болтать. Все записи будут предоставлены командованию и БВР. – Ева с тяжким вздохом окинула взглядом Макнаба.

– Ты не пойдешь на секретную операцию в таком прикиде. Рорк, у нас найдется что-нибудь приличное для этого психа?

– По правде говоря, твой размер ему больше подойдет.

Ева закрыла глаза.

– О боже! Похоже, ты прав.

Она нашла джинсы и черную футболку, бросила их Макнабу, после чего закрыла дверь спальни, чтобы они с Рорком тоже могли переодеться.

– Я отчасти чувствую себя виноватой, – призналась Ева.

– Неужели?

– Меня гложет вина, потому что собиралась тебе позвонить, предупредить, что сильно опаздываю, но меня отвлекли, а потом я забыла. Но я ведь почти никогда не забываю, поэтому мне кажется, на этот раз меня можно было бы и простить.

– Я не сердился и не сержусь за то, что ты не позвонила. Я никогда тебя не попрекал такими вещами, Ева.

– Не попрекал, верно. Но потому-то я и чувствую себя хреново, что ты меня не попрекаешь.

– А, так это опять я виноват.

– Да ну, заткнись.

– Вот тебе и перемирие.

– Ты тоже мог бы хоть немного почувствовать себя виноватым.

– А я не чувствую. Ни капельки. За что? За то, что с удовольствием провел вечер в компании Соммерсета и его друзей? Кстати, я тоже сегодня видел их впервые в жизни.

– Ты умеешь общаться с незнакомыми людьми, а я – нет. Да я ничего и не говорю, просто если бы я знала, не приехала бы домой со своим планом, а так – я приехала, а тут – они.

– С каким это своим планом?

– Ну... я... – Теперь Еве казалось, что все это звучит ужасно глупо. Она натянула кобуру. – Просто я подумала, что мы могли бы вместе поужинать, что ты бы меня дождался, потому что ты всегда меня ждешь. Ну, почти всегда. А я могла бы выбрать меню и накрыть на стол.

– Ты собиралась сама накрыть на стол? – прошептал он, почти не обращаясь к ней.

– Мы с тобой в последние недели почти не отдыхали, вот я и подумала, что мы могли бы поесть на крыше – на террасе, понимаешь? Со всеми делами – вино, свечи и только мы с тобой. А потом мы могли бы посмотреть один из этих старых фильмов, которые тебе так нравятся, только я надела бы сексуальное белье и соблазнила бы тебя.

– Так и вижу.

– И тут я возвращаюсь домой, а ты уже ужинаешь с вином и со свечами на террасе, правда не на крыше, но все равно. Но только это не мы с тобой, а у меня штаны в грязи, и в доме пара бывших уголовников... Ну, я так сначала подумала. Семейная пара, и Соммерсет небось им уже сказал, что как жена я никуда не поеду, что я чуть не каждый день прихожу домой в перепачканной одежде или оставляю кровавые следы. И я не хотела, чтобы меня силой загоняли на чужую вечеринку, а потом еще и допрашивали с пристрастием.

– Во-первых, как жена, ты мне очень даже подходишь, а Соммерсет никогда ничего подобного не говорил. Наоборот, он сказал им за ужином, когда стало ясно, что ты опаздываешь, что ты – первый коп из всех, с кем ему приходилось иметь дело, кто работает с таким усердием и так близко к сердцу принимает интересы правосудия. – Теперь Рорк подошел к ней, взял в ладони ее лицо. – Во-вторых, у тебя был прекрасный план, мне бы он очень, очень понравился, если бы мы его осуществили. А вот теперь, как ты и хотела, я тоже чувствую себя отчасти виноватым.

Ева коснулась пальцами его запястья.

– Если мы сложим две половинки вместе, можем считать, что все по нулям. Мы оба ни в чем не виноваты.

– Договорились.

Она поцеловала его, чтобы скрепить договор, и еще минутку постояла, прижавшись к нему, а он обнял ее крепко-крепко.

– Это хорошая сделка, – решила Ева. – А теперь пошли искать мертвого ширяльщика.

4

Ева села за руль, чтобы Рорк мог продолжить поиск на карманном компьютере.

– Позволь задать тебе вопрос, – начал он. – Сколько раз тебе приходилось иметь дело с лейтенантом Оберман?

– Честно говоря, ни разу. Я о ней слышала, но наши дела ни разу не пересекались, поэтому я никогда с ней не работала. Отдел наркотиков организован совершенно по-особому. Много работы под прикрытием, часть – в глубоком подполье, часть – со сменным составом. Некоторые команды концентрируются исключительно на большой игре: импорт – экспорт, организованная преступность. Другие занимаются в основном уличными толкачами, третьи – изготовлением и распространением химикалий.

– Наверняка они где-то пересекаются.

– Верно. И хотя каждая команда организована как... Как это называется?

– Я понимаю. Замкнутая организация со своей культурой и иерархией.

– Типа того, – кивнула Ева. – Рядовые и детективы рапортуют своим старшинам, возглавляющим ячейку, а старшины рапортуют самому старшему – главе отдела.

– А это означает много политики, – подытожил Рорк. – А где политика, там коррупция.

– Возможно. Вероятно, – скорректировала себя Ева. – Хотя есть сдержки и противовесы, есть цепь инстанций. Проводятся регулярные проверки. Агентов под прикрытием, бывает, перевербовывают, или они сгорают, или получают пристрастие к товару. Поэтому их проверяют на использование и пристрастие.

– Это понятно. Они же имеют самый непосредственный доступ к товару, – заметил Рорк.

Ее это покорило. Не сами слова, а то, что он как будто не удивлялся продажным копам и даже принимал их как нечто неизбежное. Ева знала, что так бывает. Но никогда, ни за что на свете не смирилась бы с этим.

– Копы много к чему имеют доступ. К украденным вещам, к конфискованным деньгам, к оружию. Копам, не способным устоять перед искушением, не место в полиции.

– Я бы возразил, что существует серая зона, но стоит ступить в этот туман, оттуда уже два шага до черной зоны. И все же: непосредственный доступ, – повторил Рорк. – Коп арестовывает уличного толкача и прикарманивает половину товара. Толкач не станет спорить по поводу того, сколько у него было при себе. Ему чем меньше, тем лучше.

– На это и существует лейтенант. Знать своих людей, наблюдать, оценивать. Это ее работа, ее долг – контролировать ситуацию. Вместо этого она заправляет преступным картелем.

– С твоей точки зрения, она предала своих людей, свой жетон и весь департамент.

– С моей точки зрения, она продажная сука и предательница. – Ева решила об этом не думать, но мысль о предательстве не давала ей покоя, жгла изнутри. – А что касается конфискованного продукта, к отделу наркотиков прикреплен собственная бухгалтерия, она должна за этим следить. За конфискатом, за грузом – как он поступает, как используется в судебном процессе, как потом уничтожается. У них для этого свой собственный склад вещдоков имеется.

– И такая умная, предприимчивая женщина, как Рене, могла рекрутировать кого-нибудь из бухгалтерии, чтобы помогали ей снимать сливки. Она пустила в ход все свои связи, свой отдел, влияние своего отца, чтобы набивать себе карманы за счет департамента. Перепродавать продукт, числящийся уничтоженным.

– Это только один способ. Есть и другой – иметь дело непосредственно с поставщиками, производителями, даже с уличными толкачами. За определенную мзду обеспечивать

бесперебойное функционирование их бизнеса. Приходится выбирать, – задумчиво добавила Ева. – Лейтенантских погон не получишь, даже с папочкиным влиянием, если не будешь закрывать дела, бросать время от времени плохих парней за решетку. Она должна держать раскрываемость на высоте – аресты, ведущие к осуждению. – Она затормозила на светофоре. – Как бы ты это дельце обтяпал?

– Ну ты скажешь тоже! У меня же нет опыта управления отделом или бригадой, как у тебя.

– Ты управляешь половиной промышленности всего мира.

– О, если бы! Как бы то ни было, если бы я хотел получать долгосрочную прибыль, не одноразовое «хватай-беги», а постоянный источник дохода от этого бизнеса, я брал бы понемногу на каждом уровне. Уличные толкачи – это легко и быстро. Если правильно чередовать давление и поощрение, можно собирать такую дань с низшего уровня, что ее хватит на финансирование и разработку следующего. Уличные толкачи достают дурь у кого-то еще, если только они не автономны. И даже этим приходится работать в системе, драться за территорию или платить дань тем, кто держит поляну.

– Ей нужны рядовые солдаты. Она посылает их на улицы, чтобы страх наводили и обеспечивали верность. Ей нужны переговорщики. Надо же продвигаться на верхние уровни, так? Шесть лет? – Ева покачала головой. – У нее целая сеть. Копы и жулики. Ей нужны надежные адвокаты – вдруг кто-то из ее команды попадет в переplet? Придется их отмазывать. Наверняка кто-нибудь в прокуратуре, по крайней мере один судья.

– Ей нужны средства, – добавил Рорк. – Надо подмазывать нужные руки, есть и другие расходы.

– Дело не только в деньгах. Деньги обычно не главное, – рассудила Ева. – Ей это должно нравиться. Острота, власть, грязь, риск. Она уродует и унижает все, что защищал ее отец. До сих пор защищает.

– Возможно, дело именно в этом. Хотя бы отчасти.

– Проблемы с папочкой? Не смейся. Папа был так занят на работе, что не уделял мне должного внимания. Или он был слишком строг, слишком многого от меня требовал. В общем, любой вариант сгодится. И вот теперь я возьму свой жетон и обмажу его дерьмом. Назло ему.

– Я думаю, у нас с тобой мало сочувствия встретят проблемы с папочкой, если только они не вызваны реальным насилием и жестокостью. – Рорк понимающе накрыл ладонью ее руку. – Но не исключено, что это часть ее мотивации. И ты сможешь это использовать.

– Как только я проинформирую командование и БВР, меня могут отстранить от дела.

– Черта с два!

Ева невольно рассмеялась.

– Ну ладно, я собираюсь драться – жестко и грязно, если понадобится, – чтобы вести это дело. Мне понадобится Мира, – задумчиво добавила Ева, вспомнив о ведущем психиатре полицейского департамента. – У нее допуск такой, что ей доверят любое дело, в том числе и это. И мне нужен Фини. Нам понадобится ОЭС. Макнаб уже в игре, но ему понадобится Фини, и не только для того, чтобы дал ему разрешение на работу, но и для реальной помощи.

Теперь она медленно ехала по страшным улицам, где фонари – если они горели – освещали груды мусора, а в тени активно совершались сделки по предоставлению дешевого секса и наркотиков.

– Это будет паршивое дело, Рорк. Не только расследование, не только скандал в прессе, когда он разразится. Но последствия? Им придется проверить все ее дела до единого, дела всех, кто втянут в аферу. Будут повторные процессы, кого-то из плохих парней придется просто выпустить, потому что сажало их гнилое правосудие, а все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Мы ее возьмем, и автоматически распахнутся двери камер. От этого не

уйдешь. За одно это я могла бы пнуть ее в задницу, когда сдери с нее шкуру за все страхи Пибоди.

Ева остановила машину у тротуара. Парковка в этом районе – не проблема. Проблема – сохранить свою машину. Если не имеешь веса в квартале, машина исчезнет или будет раздета до костей, стоит только оставить ее на пять минут.

– Ой, совсем забыла сказать: защита работает отлично, – повернулась Ева к Рорку. – Какой-то кретин пытался вскрыть тачку. Я стояла в каких-то пятидесяти шагах. Приземлился задницей и ушел, ковыляя. Все инструменты растерял, да так и не поднял.

Как и Ева, Рорк вглядывался в темные провалы.

– Приятно слышать, что отсюда нам не придется добираться до дому пешком.

– Изолируйся. – Ева бросила Рорку аэрозольный баллончик изоляционной жидкости, а сама включила запись.

– Лейтенант Ева Даллас и гражданский консультант Рорк, – начала она и назвала адрес. – Время и дата указаны на записи.

Это здание, скорее всего, было когда-то небольшим складом или фабрикой, переоборудованной во время перестроечного бума перед Городскими войнами. С тех пор много воды утекло, и теперь дом, скорее всего, служил жалким убежищем для мигрантов или наркопритоном. А может, и для тех, и для других.

На дверях рядом со сломанным амбарным замком висела заржавленная и порванная цепочка. Как видно, запоры тут были паршивые с самого начала, да и то это было давно.

Но внимание Евы привлек блестящий новенький замок.

– Дыра на холодную погоду, – поставила диагноз Ева. – Никто не захочет кантоваться тут жарким летом среди этой грязи и вонищи. И все же... – Она кивком указала на замок. – Кто-то врезал его совсем недавно.

Ева двинулась вперед, на ходу вытаскивая универсальный полицейский ключ.

Выскочивший из темноты мужчина мог похвастаться плечами шириной с корабельную палубу. Он оскалил зубы в злобной ухмылке, и сразу стало понятно, что гигиена полости рта в список его приоритетов не входит.

Ева решила, что ширина улыбки напрямую зависит от длины ножа, а также от того, что он принял их за пару лохов.

– Убери его, будь добр, – попросила Ева Рорка.

– Конечно, дорогая. – Он одарил мужчину, который наскокивал на него, поигрывая ножом, любезной улыбкой.

– Могу я вам чем-то помочь?

– А вот я сейчас тебе кишки выпущу на всю улицу, а потом трахну твою женщину. А ну давай лопатник, часы. Кольцо тоже.

– Так и быть, сделаю тебе одолжение. Даже если бы ты и сумел выпустить мне кишки на всю улицу, что крайне маловероятно, попробуй только дотронуться до моей женщины, она оторвет твою пиписку, как прутик, и запихнет тебе же в зад.

– Я тебе кровь пушу.

Когда мужчина бросился на него, Рорк танцующим шагом отступил в сторону, повернулся и локтем двинул ему по почкам. В ответном «Ой!» прозвучали нотки удивления, но нападающий крутанулся и со свистом рассек ножом воздух. Впрочем, Рорк опять уклонился, и нож безобидно просвистел мимо. Зато ответный удар ногой пришелся прямо по коленной чашечке великана.

– Хватит с ним играть, – сердито буркнула Ева.

– Видишь, какая строгая? – заметил Рорк.

Нападающий проявил упорство и, гримасничая от боли, все-таки бросился на него в третий раз. Рорк нанес точный рубящий удар по локтю руки, держащей нож. «Головорезы,

оказывается, тоже умеют визжать», – отметил он и подхватил нож, вылетевший из мелко задрожавших пальцев.

– Да, я же обещал сделать тебе одолжение, – Рорк больше не улыбался, его холодные синие глаза встретились с полными боли глазами мужчины. – Беги.

Пока удаляющиеся шаги шлепали по улице, Ева увидела, как Рорк нажал на механизм выкидного лезвия и убрал его.

– Если хочешь его сохранить, советую первым делом сунуть в автоклав. Готов?

Рорк спрятал нож в карман, кивнул и подошел к двери.

Ева извлекла оружие и положила ствол крест-накрест на ручной фонарь, старательно отворачиваясь, чтобы камера у нее на лацкане не зафиксировала, что Рорк сделал то же самое.

Они прошли в дверь, обвели фонарями периметр. Налево, направо...

Ева оттолкнула ногой мусор, мешавший проходу. Пахло плесенью и застарелой мочой, смешанной со свежей рвотой. Ева определила, что дивный запах исходит главным образом от кучи одеял, затвердевших, как картон, и до того мерзких на вид, что ими не соблазнился бы даже бездомный нищий.

– Обыскать уровень.

Они двинулись вперед, освещая себе дорогу фонарями, обводя периметр стволами оружия. Двери, проводка, половицы и ступени лестницы – все, что можно использовать или продать, было выдрано с мясом. Всюду зияли пустоты, занозистые дыры.

Ева оглядела открытую шахту лифта.

– Как, черт побери, они сумели вытащить отсюда дверь лифта? И что они с ней сделали? Зачем она вообще была им нужна?!

– Под ноги смотри, – предупредил Рорк, когда она начала подниматься по лестнице, перешагивая через отсутствующие ступени.

На втором уровне Ева осветила фонарем сломанные шприцы, битую посуду, кастрюли, изъеденные химикалиями и огнем. Она оглядела сломанный табурет, крохотный, испещренный подпалинами столик, осколки стекла, звездную россыпь мелких ожогов на полу, на стенах.

– Небольшой инцидент в лаборатории, – заметила Ева, дернув подбородком в сторону голых матрасов, запятнанных субстанциями, о которых у нее не было особого желания что-либо знать. Остатки еды быстрого приготовления вместе с обертками были разбросаны по полу. То, что не доели двуногие паразиты, предположила Ева, теперь подбирали четвероногие.

– Тут работали, тут же и жили какое-то время.

Рорк брезгливо изучил грязь.

– Не могу сказать, что меня восхищают их занятия и образ жизни.

Ева перевернула носком ботинка брошенный контейнер из-под китайской еды.

– Кто-то здесь ел не далее как позавчера. Остатки не успели заплесневеть.

– Все равно противно. Думаю, не скоро мне теперь захочется съесть тушеную курицу с грибами.

– По-моему, это была говядина с лапшой.

Ведомая неопишуемой вонью, Ева проследовала в помещение, некогда служившее санузлом. Кто-то попытался вырвать из пола унитаз, но пал жертвой собственного нетерпения или неумения. Разбитая чаша так и осталась валяться на боку. С раковиной воры преуспели больше, а чья-то предприимчивая голова ухитрилась проломить стену, вырезать и унести большую часть водопроводных труб.

С ванной возиться не стали, возможно, испугавшись габаритов и веса древнего чугунового сооружения. Узкая, выщербленная, испещренная пятнами, она послужила смертным ложем некоему Рикки Кинеру.

Он лежал скорчившись, подтянув колени к тощей груди, залитой его собственной рвотой. На подоконнике были выложены шприц, пара ампул и другие предметы его ремесла.

– Жертва отвечает описанию и идентификационному фото Рикки Кинера, он же Сочник. – Ева извлекла сенсорную пластинку для снятия отпечатков пальцев и вложила оружие в кобуру. Подойдя к труп, она аккуратно прижала к пластинке его правый указательный палец. – Личность установлена, – объявила она, когда на дисплее появилось подтверждение. – Рорк, свяжись с Пибоди, дай отбой. Мы его нашли.

Она осталась на месте, втягивая воздух сквозь зубы, скользя лучом фонаря по мертвому телу.

– Это подтверждает показания детектива Пибоди относительно разговора, подслушанного в раздевалке спортзала, сектор два. Визуальный осмотр выявил незначительные кровоподтеки на руках и ногах. Правый локоть оцарапан. Более подробное обследование придется отложить, пока командование не даст добро. Моя оценка на данный момент сводится лишь к проверке личности под протокол. Ради соблюдения чистоты расследования по делу Рене Оберман и Уильяма Гарнета я не могу в данный момент опечатать место преступления, но установлю здесь камеру для мониторинга. – Ева повернулась к Рорку. – Можешь укрепить камеру над дверью?

– Уже сделано. Если кто-то пройдет в эту дверь, твой компьютер – настольный или карманный – подаст сигнал. Ты сможешь наблюдать место преступления из любой точки, пока официально не откроешь следствие по делу.

– Годится. – Ева бросила последний взгляд на убитого. – Давай выбираться отсюда.

Оказавшись на улице, она пару раз вдохнула полной грудью, чтобы очистить обоняние от вони, потом проверила время.

– Место стабильно, насколько это вообще возможно, и нет смысла беспокоить командира в столь поздний час. Лучше соснуть пару часов и начать процесс с утра пораньше. Даллас и Рорк покидают место, оставленное под наблюдением, – добавила Ева для протокола и выключила запись. – Черт, – вздохнула она напоследок.

– Ты думала, мы его не найдем?

– Наоборот, я точно знала, что мы его найдем! Я же говорила: труп – это нечто осязаемое. Теперь от него не отмахнешься. И дела теперь уже не остановить. Мы ее возьмем.

Ева залезла на пассажирское сиденье, чтобы Рорк мог сесть за руль. Он дал ей несколько минут посидеть в тишине, оставил наедине с мыслями, пока сам прокладывал путь обратно в верхнюю часть города.

– Ты уже решила, как преподнесешь это Уитни?

– Прямо и просто от начала до конца. Стоило Пибоди немного остыть, как ее рассказ стал связным. У нас он записан. К завтрашнему дню она еще больше успокоится. Она выдержит, когда Уитни начнет ее допрашивать.

– Итак, ты берешь пару часов сна ради Пибоди, а не только для того, чтобы дать майору выспаться.

– Может быть. Да, – призналась Ева. – Не для протокола. Мы изложим все, что приняли для обнаружения Кинера, и покажем Уитни запись его обнаружения. Пусть сам решает, что дальше предпринять, но я смогу представить ему логичный и осуществимый план. Нам придется держать расследование в строгом секрете, чтобы не было утечек. Это не просто коррупция, это убийство. Причем Кинер у них не первый.

– Тяжело тебе, наверно, преследовать одного из своих.

– Она мне не своя. Перестала быть своей в ту самую минуту, как начала взятки брать. – Ева усилием воли заставила себя сбросить напряжение в плечах. – Не знаю, насколько Уитни близок с майором Оберманом. Служил под его началом, это я знаю, и занял кресло, когда Оберман ушел на пенсию. Это что-нибудь да значит – передача полномочий. Рене Оберман служила под началом Уитни, и это тоже кое-что значит. – Ева вздохнула. – Все мы понимаем, что можно держать следствие под крышкой, но когда оно закончится, когда мы произведем арест, крышка слетит. Пресса вцепится в это, как стая шакалов в свежий труп. И я даже не могу их винить.

– Всякий раз, как тебе станет грустно, когда будешь падать духом, – а ты будешь, я точно знаю, – так вот, всякий раз, когда будут терзать сомнения, вспоминай, как дрожащая Пибоди голышом пряталась в душевой кабинке, пока двое, пустив в ход свои жетоны, чтобы набить себе карманы, по-деловому обсуждали убийство.

Несколько кварталов Ева просидела молча.

– Отлично сказано, – признала она в конце концов. – Кратко и точно. И это хороший совет. И потом, есть же Кинер! Он, конечно, тупица, наверняка он был очень плохим парнем, но теперь он мой. А тот коп, что оставил его захлебываться собственной блевотиной в грязной ванне, он тоже мой, пока я не захлопну за ним дверь камеры и не поверну ключ в замке.

Не успел Рорк затормозить возле дома, как на крыльцо выскочила Пибоди.

– Вы его нашли?

– На первой же остановке, – подтвердила Ева. – Нам просто повезло. Все под протокол, место под наблюдением.

– Представлено как передоз?

– Да. Это подтверждает твои показания.

– Даже не знаю, радоваться или горевать, – призналась Пибоди.

От пережитого потрясения под глазами у нее залегли черные круги, а лицо побледнело.

– Ни то, ни другое. Прими как свершившийся факт и двигайся дальше. У нас на завтра полно работы. Тебе надо поспать. Занимай ту комнату, где ты обычно спишь, когда ночуешь у нас.

– Ты не собираешься звонить Уитни?

– Уже почти три часа ночи, но можешь позвонить ему прямо сейчас, если тебе не терпится.

– Да нет, я не спешу. Ха! Неплохо было бы поспать.

– Вот иди и поспи. – Чтобы подать пример, сама Ева решительно двинулась вверх по лестнице.

– Вам что-нибудь еще понадобится? – спросил Рорк Пибоди и Макнаба.

– Нет. – Макнаб сжал руку Пибоди. – У нас все есть.

Рорк наклонился и поцеловал Пибоди в лоб.

– Спице хорошо.

Он последовал за Евой в спальню, закрыл дверь, пока она снимала плечевую кобуру. Напряжение стало сказываться на ней, заметил он, как и на Пибоди. Можно взять ее за руку, размять ей плечи, это поможет снять стресс. Но он знал другое средство отвлечь ее внимание хотя бы ненадолго.

– Ты мне задолжала секс за примирение, но я готов принять вексель.

Как он и ожидал, Ева нахмурилась.

– Почему это я тебе секс задолжала?

– Ну ты же первая почувствовала себя отчасти виноватой.

Ева прищурилась и села, чтобы снять башмаки.

– Это всего лишь означает, что ты отстал в чувстве частичной вины. Мне кажется, это означает, что ты мне задолжал. Но я приму вексель.

– Я мог бы с этим согласиться при условии, что твоя часть уговора будет включать пресловутое сексуальное белье. – Рорк проследил, как Ева натягивает через голову слишком большую по размеру футболку с логотипом Департамента полиции и безопасности Нью-Йорка на груди. – Надеюсь, ты не это имела в виду.

– На таких условиях я согласна. – Ева забралась в постель.

– Ну, значит, у нас свидание. – Рорк скользнул под простыню рядом с ней и притянул ее к себе.

– Мне надо поставить будильник, – сказала Ева.

– На который час?

– Ну, я собираюсь позвонить Уитни ровно в шесть утра. Возьму хотя бы час на подготовку.

– Ну, значит, в пять. Не волнуйся, я тебя разбужу.

Ева не сомневалась, что так и будет. Она закрыла глаза.

Она готова была поклясться, что проснулась под ласкающий обоняние запах кофе всего пять минут спустя. Приоткрыв глаза, она увидела Рорка.

Он сидел на краю постели и держал огромную кружку кофе в нескольких дюймах от ее носа. Он уже включил электричество, примерно на двадцать процентов яркости, прикинула Ева, поэтому комнату заливал мягкий свет наступающего рассвета.

– Ты принес мне кофе в постель?

– Можешь считать меня алмазом среди мужей... или просто сказать, что я проснулся раньше тебя. Только что пробило пять, – добавил Рорк.

– Уф! – Ева села, помогая себе руками, пробормотала «спасибо», схватила кружку и принялась жадно глотать. Потом она блаженно закрыла глаза, чувствуя, как кофеин разливается по организму. – Хорошо! – Снова забулькала, шумно глотая. – Душ. – Она выползла из постели, сказала «еще», допила кофе, а затем сунула кружку в руки Рорку.

На полпути в ванную Ева оглянулась через плечо и поманила Рорка согнутым пальцем. Потом стащила с себя огромную футболку, бросила ее на пол и весь оставшийся путь проделала нагишом.

Рорк поставил пустую кружку на тумбочку у кровати.

– Кто я такой, чтобы отказываться от столь великодушного приглашения?

Ева включила мультидуш на полную мощность и настроила его на свою любимую температуру: почти кипяток. «Никогда я не привыкну к этой ее страсти шпариться кипятком в душе, а заодно и меня варить заживо», – подумал Рорк.

Пар клубился, оседая на стеклах просторной душевой кабины. Она стояла – вся мокрая, блестящая, запрокинув лицо и закрыв глаза.

– Алмаз среди мужей мог бы потерять мне спину.

Рорк послушно отодвинул панель в стене, а когда она скользнула вбок, поймал обеими пригоршнями порцию жидкого мыла.

– Если я правильно понял, ты отлично выспалась.

– Угу.

Ее узкая и гладкая спина, все еще хранящая следы золотистого загара после их недавнего отдыха, чуть выгнулась под скользящими движениями его намыленных рук.

Как он любил прикосновение к этой мягкой коже, покрывавшей ее твердые мышцы! Эта длинная узкая спина, сужаясь к талии, плавным изгибом переходила к бедрам.

Его коп. Стройная и угловатая, созданная для скорости и выносливости. Но он знал все ее слабые места, знал, где прикосновение – его прикосновение – может ее возбудить или заставить расслабиться.

Изящно вылепленный затылок, впадинка на пояснице.

Он продвигался все ниже, ниже, скользя шелковистым на ощупь жидким мылом по стройным мускулистым бедрам. И снова вверх. Его пальцы дразнили, щекотали и убегали, неспешно соблазняя.

Она обвила рукой его шею, подалась назад. И, изогнув тонкую талию, повернулась так, что их губы встретились, раскрылись, языки слились в долгом поцелуе.

Теперь Ева повернулась всем телом, ее глаза светились сквозь душевые струи как темное золото.

– Ты кое-какие места пропустил.

– Как это неосторожно с моей стороны.

Рорк опять наполнил ладонь пахучей жидкостью, намылил ей плечи, грудь, торс, живот...

Она хотела его каждым дюймом своего тела. Прямо здесь, под душем, пока вода хлестала ее тело, ритмично пульсируя. Его руки творили магию с ее телом, зажигали жажду, воспаляли чувства, находили и раскрывали все ее секреты. Его губы, когда он пустил их в ход, наполнили ее тело томительной и сладостной болью желания.

Его пальцы нашли ее, раскрыли и влажной лаской провели через эту боль все дальше и дальше...

Она обвилась вокруг него гибкой, благоухающей лозой, ее пальцы запутались в его волосах, ее губы жадно впились в его рот. Ее сердце отчаянно и страстно билось прямо у его груди. Она наполнила руки мылом и заскользила ладонями по его спине, бедрам, просунула их между их скользкими телами и взяла его нежным захватом.

Чтобы его уничтожить.

Его терпение лопнуло. Он это буквально слышал. Он прижал ее к влажным плиткам душевой кабины и овладел ею, глуша поцелуями ее крики и стоны. Ее руки обвились вокруг его шеи.

Струи горячей воды били их слившиеся воедино тела. Капли блестели на коже, жемчужный пар висел в воздухе. И в клубках этого пара они сделали последний отчаянный бросок.

Она обмякла в его руках. Как он любил этот момент, когда наслаждение переполняло ее и оставляло без сил. Вот этот момент полной капитуляции перед ним, перед их любовью.

Упиваясь этой любовью, она положила голову ему на плечо, а он прижался губами к ее губам. Теперь уже тихо и нежно.

Он увидел, как ее взгляд прояснился, увидел, как она улыбнулась.

– Это не был секс за примирение.

– Конечно, нет.

– Просто хочу внести ясность.

– Но это была превосходная прелюдия.

– Мне понравилось. Кофе в постель, душевный секс в душевой – отличный коктейль для пробуждения.

Она помолчала еще секунду, спрятав лицо у него на груди, а потом высвободилась и вошла в сушильную кабину.

Пока горячий воздух обвевал ее тело, Рорк понизил температуру воды до приемлемой температуры.

Когда он вернулся в спальню, обмотав полотенцем бедра, Ева стояла в коротком халате и занималась тем, чем на его памяти не занималась почти никогда: внимательно изучала содержимое своей гардеробной.

– Черт знает что, – пожаловалась Ева. – Вот уж не думала... Но мне нужно... Подбери мне что-нибудь, будь добр, а? Мне надо выглядеть... ну, что я тут главная. У меня все под контролем, я отдаю команды, все очень серьезно. Я главная, кроме шуток. – Она изобразила

руками круг в воздухе. – Но чтобы это не выглядело нарочито или преднамеренно. Чтоб никто не думал, будто я специально вырядилась, но...

– Я понял. – Рорк вошел в гардеробную и первым делом осмотрел жакеты. Все эти жакеты он выбирал сам, поскольку одежда, а уж тем более покупка одежды Еву совершенно не интересовала.

– Вот этот.

– Красный? Но...

– Он не красный, он цвета бургундского. Он не яркий, не вызывающий, но серьезный, он излучает властность, особенно с учетом такого покроя. Вот с этими брюками цвета пушечной стали. Очень серьезный цвет. И вот эту блузку чуть более мягкого серого цвета. Непритязательную, без украшений. Серые короткие ботинки. Они зрительно удлиняют ноги, а жакет усиливает эффект властности.

Ева вздохнула с досадой.

– Ладно. Ты же у нас эксперт.

Одевшись, Ева была вынуждена признать, что звание эксперта он носит не зря. Она выглядела собранной, но, как она сама говорила, не нарочито наряженной. А красный – ой, нет – цвета бургундского – жакет и впрямь подчеркивал уверенность и властность его обладательницы.

Плюс к тому, если на него попадет кровь, будет незаметно. Ну, не слишком.

– Надень вот это.

Ева нахмурилась, увидев маленькие серебряные сережки, которые ей протягивал Рорк.

– Я почти никогда не надеваю серьги на работу. Они...

– В данном конкретном случае это просто завершающий штрих. Простой и элегантный.

Ева пожала плечами и надела серьги. Потом изучила свое отражение в зеркале, потягивая вторую кружку кофе.

– Ты не ради Уитни так тщательно наряжаешься, – заметил Рорк. – Старая поговорка права. Женщины одеваются ради женщин. Все это ради Рене Оберман.

– Если дела пойдут как надо, а я, черт побери, уверена, что так они и пойдут, сегодня нам с ней предстоит первая встреча лицом к лицу. Она на такие вещи обращает внимание, это точно. Так пусть знает – сознательно, подсознательно, на всех мыслимых и немыслимых уровнях! – что с ней говорит власть.

– Ты хочешь бросить ей вызов.

– Я брошу ей вызов. Но позже. – Ева взглянула на часы. – Пора сделать следующий шаг и позвонить Уитни. Черт, хоть бы не его жена сняла трубку. – Она взяла с тумбочки свой собственный телефон и расправила плечи. – Ну, полный вперед!

Широкое лицо майора Уитни появилось на экране после второго гудка. Ева успела облегченно перевести дух оттого, что он не заблокировал видео: значит, вряд ли она подняла его с постели. И все же она готова была поклясться, что складка у него на левой щеке – это след от подушки, а не новая морщина, проведенная временем и заботами. Что ж, значит, она позвонила как раз вовремя.

– Лейтенант.

Голос у него был энергичный, вид – вполне бодрый, темные глаза на темном лице смотрели зорко.

Ева начала разговор по-деловому:

– Командир, прошу прощения за ранний звонок. У нас проблема.

Она изложила проблему с точностью, так восхищавшей Рорка. Сам он в другом конце комнаты одевался, готовясь к рабочему дню, и слушал, как Уитни засыпает Еву вопросами.

«Надо хорошо знать этого человека, – думал Рорк, – и внимательно слушать, чтобы заметить шок, но он явно есть».

– Я хочу просмотреть показания Пибоди, поговорить с ней лично и проверить ваши записи.

– Да, сэр. Командир, с вашего разрешения, хочу предложить, чтобы первую встречу мы провели здесь у нас, а не в Управлении. Детективы Пибоди и Макнаб в данный момент находятся здесь, и нам будет гарантирована конфиденциальность, пока вы не примете решение.

Он ненадолго задумался, потом буркнул «еду» и отключил связь.

– На твоём газоне, – прокомментировал Рорк.

– Это важно, но дело не только в этом. Он понимает, что так умнее: провести первую встречу здесь, а не у него в кабинете. Пойду все подготовлю.

– Полагаю, у него будут ко мне вопросы, поэтому мне тоже надо будет подготовиться. У меня голографическая конференция через десять минут. К семи, надеюсь, я с ней закончу. Ты отлично провела разговор, – добавил он.

– Это только начало.

5

Ева подготовила пакет документов для шефа: копии всех данных, видеозаписей, показаний и заметок. За работой она репетировала в уме речь в защиту тех шагов, которые намеревалась предпринять далее, обосновывала каждый, обосновывала необходимость привлечь к делу Фини, Миру и Уэбстера, раз уж нельзя будет обойтись без Бюро внутренних расследований.

Тон, стратегическое видение, логика, уверенность – все это ей понадобится в идеальном сплаве без швов, если она хочет сохранить контроль над расследованием, когда в перекрестье прицела попадет дочь Маркуса Обермана.

Ева вскинула взгляд, когда вошел Макнаб. Он был в своем собственном костюме. «Может, оно и к лучшему, – подумала Ева, – а то командир приедет, увидит его в нормальной одежде и лишится чувств от неожиданности».

– Пибоди будет через пару минут, – предупредил он Еву. – Мне кажется, ей просто нужно немного побыть одной.

– Как она?

– В общем, почти оправилась от шока. Я боялся, вдруг ее кошмары будут мучить, но нет. Наверно, вымоталась.

Еве показалось, что и сам Макнаб едва держится на ногах. Яркие одежды, блеск колечек, оттягивающих мочку уха, не могли скрыть и скорее подчеркивали напряжение и тревогу в его побледневшем лице.

– А ты выглядишь... наверно, надо сказать «внушительно». Очень стильно, – добавил он.

«Очко в пользу Рорка», – подумала Ева.

– Я могу что-то сделать? – спросил Макнаб.

– Работы будет много, но пока мы ждем. Я проверила монитор. Все работает четко. Выпей кофе, – предложила Ева, когда Макнаб остановился перед доской, которую она успела подготовить, позванивая монетками или чем-то там еще, что лежало в его многочисленных карманах. Потом она вспомнила, с кем имеет дело. – И съешь что-нибудь.

– Пойду-ка я соберу что-нибудь на завтрак для Пибоди. – Макнаб двинулся в кухню, но остановился перед Евиным столом. Его глаза горели холодным светом. – Я хочу крови. Знаю, надо взять себя в руки, надо играть по правилам, но, черт побери, Даллас, я крови хочу. Это не потому – не только потому, – что она попала в переплет. Мы по службе попадаем в переплеты, работа у нас такая. Но это не должно исходить от других копов.

– Жетон не делает тебя копом. Возьми себя в руки, Макнаб, надо играть по правилам. – Ева уже не раз повторяла это и себе. – Только так можно сделать свою работу хорошо.

Пока он возился в кухне, Ева встала и еще раз проверила доску, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Она услышала, как Пибоди вошла в кабинет у нее за спиной.

– Макнаб собирает на стол. Пойди поешь.

– У меня желудок какой-то беспокойный. Как подумаю, что придется все это выкладывать Уитни...

Ева повернулась к напарнице и отметила, что не так уж крепко та держится.

– Вы не доверяете своему командиру, детектив?

– Доверяю, лейтенант. Безоговорочно.

Ева отдала приказ тем же энергичным тоном, каким говорила с Макнабом. Она указала на дверь кухни.

– Так пойдешь, возьми себя в руки, никаких нервов, нас работа ждет.

Отвернувшись, она вновь проверила монитор на месте преступления, хотя и знала, что в этом нет необходимости, и записала время. Пибоди скрылась в кухне.

Через несколько секунд до нее донесся голос Макнаба. Слов она не разбирала, но тон был лукавый, поддразнивающий. И Пибоди рассмеялась. Ева почувствовала, как ее собственные плечи расслабляются, как из них уходит напряжение.

Она вызвала идентификационное фото Рене Оберман и ее данные на экран своего компьютера и принялась заново их изучать.

Сорок два года, волосы светлые, глаза голубые, рост – пять футов четыре дюйма, вес – сто двадцать фунтов. Красивая, как заметил Рорк. Безупречно белая кожа, нежный розовый румянец, классический овал лица, четко выписанные брови на несколько тонов темнее, чем волосы.

«Темные брови, – отметила Ева, – и густые, как лес, ресницы, что, вероятно, означает умение грамотно накладывать косметику». На официальной фотографии она стянула волосы на затылке, оставив лицо открытым, но Ева изучила и другие снимки, где роскошные, прямые волосы блестящим дождем падали на плечи.

«Тщеславие, – подумала Ева. – Пожалуй, на этом можно сыграть».

Единственный ребенок Маркуса и Вайолет Оберман, состоящих в браке вот уже сорок девять лет. Отец – майор полиции в отставке, прослужил пятьдесят лет. Мать, до замужества официантка, шесть лет была домохозяйкой после рождения дочери, потом нашла себе место заведующей отделом продаж в дорогом женском магазине и с этой должности ушла на пенсию.

Рене Оберман, один брак, продолжавшийся два года, один развод. Детей нет. Перекрестный поиск показал ей, что Ноэл Райт снова женился и во втором браке, продолжавшемся уже шесть лет, родились двое детей. Мальчику пять лет, девочке три года. Бывший муж – владелец и хозяин бара в Гринвич-Виллидж.

Все это Ева запомнила, отложила в памяти. «Никогда не знаешь, что может пригодиться», – подумала она.

– Лейтенант, – объявил Соммерсет по внутренней связи, – майор Уитни только что проехал в ворота.

Ева уже решила, что не будет спускаться и встречать его внизу. Пусть поднимется наверх, так будет по-домашнему, неофициально.

– Проводите его прямо наверх. Макнаб! Запрограммируй кофейник. Командир пришел.

Но она не двинулась с места, нарочно вместе с Макнабом встала рядом с Пибоди, когда в кабинет вошел Уитни.

Он нес властность на широких плечах, на своем грубоватом лице. Его холодный взгляд тоже излучал силу и властность.

Он остановился возле доски с фотографиями. Ева нарочно так расположила доску, чтобы он увидел ее сразу, чтобы ему мгновенно бросились в глаза лица Рене Оберман и Уильяма Гарнета, сгруппированные со снимком с места преступления. Ей хотелось с самого начала зафиксировать связь.

И она увидела, как в этом холодном взгляде сверкнул огонь.

Ни о чем не спрашивая, Ева налила ему кофе, подошла и протянула чашку.

– Спасибо, что так быстро приехали, командир. И что приняли дело всерьез.

– Поберегите горло. – Уитни обогнул ее и двинутся напрямиком к Пибоди. – Детектив, я рассмотрю ваши письменные показания, но сейчас хочу все услышать прямо от вас.

– Да, сэр. – Пибоди машинально встала по стойке «смирно». – Командир, приблизительно в двадцать ноль-ноль вчерашнего вечера я вошла в спортивный зал в секторе два.

Уитни допрашивал ее жестко, до того сухо и с пристрастием, что Ева невольно ошети-
нилась и ей пришлось бросить предостерегающий взгляд на Макнаба, когда его лицо вспых-
нуло негодованием.

Командир безжалостно требовал, перебивал, заставлял Пибоди сомневаться в соб-
ственных показаниях, возвращаться назад, повторять снова и снова.

Пибоди еще больше побледнела, Ева видела, как напрягается она при каждом слове,
но она ни разу не сбилась, не перепутала ни одной детали.

– Вы не смогли провести визуальное опознание ни одного из индивидов?

– Нет, сэр, не смогла. Хотя я отчетливо слышала, как мужчина называл женщину «Рене»
и «Оберман», а она его называла «Гарнетом», я ни одного из них не смогла отчетливо раз-
глядеть. Женщина, к которой обращались как к Рене Оберман, ясно дала понять в разговоре,
что мужчина – ее подчиненный. В какой-то момент я смогла увидеть часть ее профиля – цвет
волос, цвет кожи. Я сумела определить ее примерный рост. Располагая этой информацией,
мы идентифицировали обоих как лейтенанта Рене Оберман и детектива Уильяма Гарнета из
отдела наркотиков Центрального полицейского управления.

– Вам известно, что лейтенант Оберман является офицером со званием, с наградами и
почти восемнадцатилетним стажем службы в департаменте?

– Да, сэр.

– А известно ли вам, что она дочь майора в отставке Маркуса Обермана?

– Да, известно, сэр.

– И вы готовы подтвердить ваши показания под присягой во внутреннем расследова-
нии дела этих офицеров, а возможно, и в суде?

– Да, сэр. Я готова это сделать. С большой охотой.

– С большой охотой, детектив?

– Я хочу исполнить свой долг как сотрудник Департамента полиции и безопасности
Нью-Йорка, как офицер, присягнувший служить и защищать. Я верю... нет, поправка, сэр: я
знаю, что эти люди использовали свое положение и власть, использовали свои полицейские
жетоны в аморальных и преступных целях, и я хочу, командир, сделать все от меня завися-
щее, чтобы их остановить.

На это Уитни ничего не ответил, а потом вздохнул едва слышно.

– Сядьте, детектив. Оставьте ее, – приказал он Макнабу, когда детектив-электронщик
поднялся и сделал шаг к Пибоди. – Нечего над ней квохтать, как наседка. Она коп, и она
только что это доказала. Лейтенант.

Теперь Ева встала навтыжку.

– Сэр?

– Вы ждали почти восемь часов, прежде чем доложить командованию об этом деле.

Этого она ждала, и ответ у нее был готов.

– Шесть часов, сэр. Нам потребовалось время, чтобы получить полные и подробные
показания детектива Пибоди и проверить, действительно ли субъекты, чей разговор она
невольно подслушала, являются офицерами Департамента полиции и безопасности Нью-
Йорка. А когда мы это проверили и убедились, что это так и есть, я решила подтвердить
показания детектива Пибоди и все эти детали, обнаружив местонахождение Кинера и собрав
всю возможную информацию для вас. – Ева сделала паузу, чтобы подчеркнуть значимость
своих слов. – Мой детектив проинформировал меня о возможном убийстве. Я сочла необ-
ходимым это проверить.

– Это может сработать, – пробормотал Уитни.

«Это сработает, – мысленно поправила его Ева. – Уж я, черт побери, в лепешку расши-
бусь, чтобы сработало».

– Все наши действия документированы, сэр, можете убедиться. Далее я решила, что после того, как тело Рикки Кинера было обнаружено, а место взято под наблюдение, можно подождать еще около трех часов, прежде чем информировать вас, вместо того чтобы будить вас в три часа ночи. Это щекотливое и опасное дело, командир. Я сочла, что спешка тут неуместна.

Он кивнул и после этого тоже сел.

– Вольно, Даллас, ради всего святого. – Уитни потер лоб, потом уронил руки. – Маркус Оберман – один из лучших копов, с кем мне когда-либо приходилось служить. Этот «процесс», как вы его называете, запятнает его послужной список, его репутацию и имя. И, скорее всего, разобьет ему сердце.

«Вот это и есть самая загвоздистая загвоздка», – подумала Ева.

– Я об этом сожалею, сэр. Все мы об этом сожалеем. Однако дочь – не отец.

Всю свою жизнь Ева прожила с этой мыслью, с ней и выросла.

– Я это прекрасно понимаю, лейтенант. Я это прекрасно понимаю, поскольку Рене Оберман служила под моим началом несколько лет. Она не такой коп, каким был ее отец, но с ним мало кто может сравниться. Ее послужной список до сих пор был безупречен, ее работа – вполне приемлема. Среди ее преимуществ – сильная личность, умение отобрать для каждого задания нужного человека, она прекрасно анализирует детали любой ситуации и выстраивает их в логическое целое. Я считаю, что она лучше приспособлена к административной и руководящей работе, чем к работе на выездах, и, по правде говоря, именно такие обязанности она сама предпочитает. Она уверенно руководит отделом и добивается результатов.

– Лейтенант, командующий отделом должен показывать более чем «вполне приемлемые» результаты. Так мне кажется, сэр.

Уитни еле заметно улыбнулся.

– Так и знал, что вы в это вцепитесь. В таком огромном хозяйстве, как нью-йоркская полиция, частенько приходится мириться с приемлемым. Не было никаких тревожных сигналов, никаких признаков коррупции. Лейтенант Оберман честолюбива, она построила свою карьеру, всерьез поставила себе целью получить капитанские погоны. Я не сомневаюсь, что она уже присматривается к моему креслу и, скорее всего, знает, когда в него усядется.

– Ее ждет разочарование.

Вот теперь он широко улыбнулся.

– Даже до сегодняшнего дня я бы сделал все от меня зависящее, чтобы держать ее подальше от начальственного кресла. У нее не тот характер. Заниматься политикой, пиаром, руки пожимать, улыбаться, бумажки перебирать – это да. С этим она отлично справится. Но ей не хватает сочувствия, люди для нее – орудия, а работа – средство для достижения цели.

«Она ему не нравится, – догадалась Ева. – Интересно, легче ему от этого или нет?»

– Если все сказанное суммировать, – продолжал Уитни, – мы имеем взрывоопасную ситуацию, причем фитиль уже подожжен.

Он обернулся, когда в комнату вошел Рорк.

– Джек, – приветствовал его Рорк.

– На данный момент только пятеро в этой комнате знают о ситуации, верно?

– Да, сэр, – подтвердила Ева. – На данный момент.

– Покажите мне труп. В укрупнении.

– Вывести картинку на экран, – приказала Ева.

На стене вспыхнуло изображение.

Уитни внимательно изучил его.

– Вы не стали устанавливать время смерти и собирать доказательства.

– Мы только идентифицировали его, командир. Я подумала...

– Я знаю, о чем вы подумали, – перебил Уитни. – Прокрутите запись от начала до конца. Ева выполнила приказ, сохраняя бесстрастное выражение лица, пока крутилась запись. На экран попала часть драки между Рорком и уличным грабителем.

– Классный приемчик! – не сдержался Макнаб. – Извините, сэр.

– Не извиняйтесь. Классный был приемчик. – Уитни кивнул Рорку. – Ты сломал ему локоть?

– Да нет, думаю, просто вывихнул.

– Иногда мне не хватает этих улиц. – Запись тем временем двинулась внутрь, прямо в грязь. – А иногда – нет.

Уитни молча досмотрел до конца. Когда запись кончилась, молчание продолжалось еще с полминуты.

– Я еще раз просмотрю остальное, но, предположим, все обстоит именно так, как вы рассказали. Каков ваш следующий шаг? У вас уже продуман следующий шаг, Даллас, – добавил Уитни. – У вас было время продумать несколько шагов вперед.

– Первым делом я бы официально обнаружила тело и взялась за расследование. Обнаружить можно через звонок одного из моих осведомителей. Так это будет выглядеть в официальных записях. Мы так это обставим, чтобы она поверила. Мне кажется, так проще да и лучше, чем по стандартной процедуре. Она не будет знать, кто мне звонил, а я не буду обязана ее информировать. По правде говоря, стандартная процедура для меня в данном случае – защищать своего осведомителя. Она считает, что смерть Кинера спишут на случайный передоз. Пусть не надеется, этого не будет. Я проведу следствие жестко, по всем правилам, дам ей повод подергаться. Ну или просто разозлиться. Я полезу прямо ей под нос, и таким образом у меня будет возможность понаблюдать за ней и за ее командой.

– Сколько из них замешано? – спросил Уитни. – Ведь не один же Гарнет?

– Нет, сэр, это маловероятно. Параллельно и БВР будет проводить расследование. С вашего разрешения, сэр, я проинформирую и полностью введу в курс дела лейтенанта Уэбстера. Я уже раньше с ним работала, и он знает Пибоди. Нам этот контакт сэкономит массу времени и упростит весь процесс.

– И вы предполагаете, вам удастся убедить его, что вы и ваша команда должны принимать активное участие не только в следствии по делу об убийстве, но и во внутреннем расследовании? В том, что является прерогативой БВР?

– Не будет никакого внутреннего расследования без Пибоди, а смерть Кинера, скорее всего, спишут на передоз.

– Да меня-то убеждать не надо. Я тоже поговорю с лейтенантом Уэбстером.

– Мне также нужно ввести в курс дела доктора Миру. Ее догадки, мнения и оценки очень мне помогут.

– Хорошо, согласен.

– И мне нужен Фини. Мне нужен ОЭС.

– В Бюро внутренних расследований есть свои собственные электронщики.

– А нам нужны наши. Макнаб уже в деле, и мы должны проинформировать его капитана. Каждая моя встреча с Рене Оберман должна, по возможности, проходить под запись. Бюро внутренних расследований пустит за ней слежку, сэр, но если ее хоть чему-то учили, она очень скоро почует крыс. Не будь у нее нюха, не будь она осторожной, ей не удалось бы зайти так далеко.

– Итак, Фини и Мира. Ваша часть расследования будет в основном управляться отсюда. Мы не знаем, как далеко ее щупальца протянулись по департаменту. По моему дому, – с горечью добавил Уитни и вновь взглянул на Рорка. – А твой только что превратился в штаб-квартиру следствия.

– Похоже на то.

– Завидная терпимость, – усмехнулся Уитни.

– Я бы так не сказал. У меня был, если можно так выразиться, опыт общения с копами вроде лейтенанта Оберман. Если работа в моем доме поможет вам изгнать ее из вашего дома, я говорю: добро пожаловать.

Уитни кивнул и поднялся на ноги. Обвел взглядом всех присутствующих.

– Давайте возьмем эту суку.

Когда совещание закончилось, Ева повернулась к Рорку.

– Мне нужен этот звонок от стукача, и он должен звучать убедительно. Мало ли, вдруг Рене сумеет заполучить доступ к журналу записей?

– Сделаю. Но сначала удели мне одну минуту. – С этими словами он шагнул к себе в кабинет.

– Да я вообще-то уже на работе... – начала было Ева.

– Да, я понимаю, и ты получишь свой звонок от стукача в самом скором времени, он поступит на твой рабочий телефон в Управлении и будет переведен сюда. Должен тебе сказать, я только что говорил с Дарсией – с шефом полиции Анджело с Олимпуса.

– Хорошо.

– Она в Нью-Йорке, у нее отпуск. Мы с ней назначили встречу на будущей неделе, перед ее возвращением, но она прилетела раньше срока. Она хотела бы побывать в Управлении и увидеть тебя.

– Я сейчас вообще-то занята.

– Ну, я же не мог ей сказать, что ты занята расследованием махинаций грязных копов, не так ли?

Ева сунула руки в карманы.

– Не мог.

– Она хочет подольше побыть в Нью-Йорке. Я с ней встречусь, приглашу на ланч или на коктейль. Но она, конечно, захочет взглянуть на твой дом, пообщаться с тобой. Вы же с ней вместе работали в тот раз на Олимпусе, и работали успешно.

– Да, да, ладно. Хорошо. – Ева задумалась, все взвесила, кивнула. – Может, я смогу это использовать с выгодой для себя. Когда шар покатится, никто из стоящих на стреме не подумает, что я стану тратить время на туры по Управлению и профессиональные разговоры с гостьей, будь у меня на тарелке горяченькое внутреннее расследование.

– Мне кажется, в конечном счете она будет рада оказаться полезной. А теперь я займусь звонком. Пять минут.

– Ладно, годится. – Ева вернулась в свой кабинет. – У нас будет звонок через пять минут, – объявила она Пибоди. – Я позвоню тебе по твоему номеру, скажу, что заеду и подберу тебя у дома, нам надо проверить наводку от стукача. Может, там ничего и нет, поэтому мы пока не будем звонить в диспетчерскую. Макнаб, тебе придется добраться до Управления обычным способом. Пока ты добираться, Уитни успеет ввести Фини в курс дела. Мне нужны фильтры на всю нашу электронику. Чтоб не только сигнализировали, если кто-то попытается вломиться, но и предотвратили попытку.

– Это мы можем, – заверил ее Макнаб. – Держу пари, Рорк уже поставил фильтры и щиты на все, что тут есть. Пара минут в его лаборатории, и я поставлю фильтры на мобильники тебе и Пибоди.

– Мы это сделаем, когда получим наводку. Кстати, о птичках, – заметила Ева, когда засигналил ее мобильник. – Быстро он работает, этого у него не отнимешь. – Она вскинула руку, приказывая всем замолчать. – Даллас.

– Без имен! Слышишь? – Голос был неразборчивый, задыхающийся, никто не принял бы его за голос Рорка.

- Я тебя слышу.
- Кто-то его урыл. Старого Сочника. Как его уделали, черт, без слез не взглянешь. Так в блевотине и кинули плавать.
- Кто такой Сочник?
- Сочник «кислотой» никогда не баловался, точняк. Это они его накачали. Он их боялся. А теперь он труп.
- Сам ты накачался, задница. Что ты мне голову морочишь?
- Это я Сочника помянул. Ты его забери. Ты должна, Даллас, въезжаешь? Они не имели права. Сунули его в гребаную ванну. Я не просто стучу тебе, Даллас. Это я ради Сочника.
- На записи будет видно, как она хмурится, всякий, кто прослушает, отметит угрозу в ее голосе.
- Давай адрес. Но если я не найду тела, я тебя собаками затравлю и надеру задницу.
- Ты его найдешь. – Голос пробубнил адрес. – Бедный старый Сочник. Ты дашь мне двадцатку, да? Я получу двадцатку?
- Найду тело, получишь двадцатку. Не найду – лучше ищи дыру поглубже. – Ева отключила связь и подошла к двери, соединяющей ее кабинет с кабинетом Рорка. – Как ты это сделал?
- О, это всего лишь небольшая программа по обмену голосов. Я над ней работал. Взял смесь двух актеров из пары фильмов о наркоте. – Рорк усмехнулся, видно было, что он доволен собой. – Любопытно, правда?
- Гм. Твой выход, Пибоди. Переходим ко второй стадии.
- Как-то глупо говорить по телефону, когда я стою прямо тут.
- Действуем по плану.
- После краткого обмена репликами Ева бросила свой телефон Макнабу.
- Делай свои электронные штучки, а потом подтягивайся в Управление. Все как обычно.
- Я могу подбросить тебя в центр, Йен, – предложил появившийся в дверях Рорк.
- Клево. Но сперва я должен оснастить мобильники.
- Я пойду с тобой, – предложила Пибоди, – заберу мобильники, когда ты там свое наколдуешь. Встретимся внизу, Даллас. Спасибо за все, Рорк. За все сразу.
- Не подвози его прямо к дверям, – начала Ева, когда Пибоди вслед за Макнабом вышла из кабинета.
- Мне хитрить не впервой. – Рорк подошел к ней и провел пальцем по ямочке у нее на подбородке. – В игре на хитрость я бы тебя побил в первом раунде.
- Возможно.
- На твоего командира давит уважение к предшественнику.
- Да, это я и сама поняла, но ему не нравится дочь. Даже до сегодняшнего дня. Что там говорили про яблоню и яблоко? Иногда это случается. В смысле, оно падает далеко.
- Рорк прекрасно понял, что она имеет в виду не только Рене Оберман, но и себя, а может быть, и его тоже. Он обхватил ее лицо ладонями и коснулся губами ее губ.
- Иногда яблочко само решает упасть как можно дальше. Само выбирает добро или зло, Ева.
- А бывает и так, что оно сгнило еще на ветке. Все, хватит о фруктах. Мне пора ехать. Надо найти мертвого ширяльщика.
- Хорошо, что на этот раз меня бог миловал. – Он опять поцеловал ее. – Не забывай, там полно живых ширяльщиков.
- Может, попробую твой классный приемчик.
- И Ева вышла, предвкушая такую возможность.

Как только они оказались в машине, Ева обговорила с Пибоди всю предстоящую операцию.

– Будем действовать строго по правилам. Заизолируемся, включим запись. Мы проверяем наводку. Проверим нижний уровень, только потом пойдем наверх. Об убитом мы ничего не знаем, кроме того, что его зовут Сочником. Мы его идентифицируем. Отверни от меня камеру, пока я буду снимать «глаза», Рорк их поместил над входом в ванную.

– Есть.

– Будем обрабатывать труп и место в точности как любой труп и любое место. Вот почему мы сразу пустим в ход версию с убийством и будем на ней настаивать. В любом случае это подозрительная одинокая смерть, а в моем отделе мы от этого не отмахиваемся только на том основании, что покойник – никчемный ширяльщик с уголовным досье.

– Ясно! Я здорово понервничала с командиром.

– Он обрабатывал тебя жестко, потому что БВР будет обрабатывать тебя еще жестче, а когда мы пойдем в суд, на тебя будут давить адвокаты.

– Это я тоже поняла. – Пибоди нервно поигрывала радужными очками, но так и не нацепила их на нос. – А еще я подумала, что многие копы назовут меня предательницей.

– Это она предательница, Пибоди.

– Знаю. Но я должна быть к этому готова. И всякий раз, как я это услышу, буду вспоминать, как я сидела в душевой кабине, и буду мысленно посылать их куда подальше.

– Верная мысль. Пора готовить следующий этап.

Ева позвонила Уэбстеру с карманного телефона, над которым потрудился Макнаб.

– Даллас? Ну надо же! Доброе утро.

Весь экран заполнило его красивое лицо, но Ева услышала в трубке звуки уличного движения.

– Ты где?

– Иду на работу пешком, наслаждаюсь прекрасным летним утром. А что?

– В компании?

– Несколько миллионов ньюйоркцев. – Уэбстер отхлебнул кофе из бумажного стаканчика, но Ева заметила, как изменились его глаза: стали бесстрастными. – Я один.

– Надо встретиться, поговорить. Помнишь, где встречались, когда было то федеральное дельце?

– Помню.

– Там же. Через два часа. Оформи это как личное время.

– У меня начальство есть, Даллас.

– У твоего начальника есть свой начальник, а у того – еще один начальник. Этот приказ – от самого высокого начальника, Уэбстер. Не хочешь – я найду другую крысу.

– О-о-очень смешно. Через два часа. – Он дал отбой.

– Позвони Крэку, – приказала Ева Пибоди. – Скажи, мне надо, чтобы он открыл заведение через пару часов.

– Ты хочешь, чтобы я позвонила семифутовому хозяину секс-клуба, зная, что мне придется его разбудить?

– Где твой хребет, Пибоди? – спросила Ева.

Днем район выглядел еще хуже, чем ночью, решила Ева. При дневном свете каждое пятно, каждая куча грязи выглядели рельефнее и бросались в глаза. На углу ютился убогий магазинишко, весь увешанный предупреждениями.

ОПЛАТА НАЛИЧНЫМИ НЕ ПРОИЗВОДИТСЯ!

ВЕДЕТСЯ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ!

ОБСЛУЖИВАЕТСЯ ТОЛЬКО РОБОТАМИ!

Прохожих было совсем немного. Они шли по своим делам, втянув голову в плечи. Впрочем, для большинства проходимцев, хулиганов и смутьянов час был слишком ранний, никто пешеходов не трогал.

– Тяжко жить в таком месте, – заметила Пибоди. – Всего в паре кварталов отсюда совсем другая жизнь, а тут все прямо жутко и тоскливо. Если тут родиться, как отсюда выбраться?

Ева подумала о Рорке, ребенку, которому приходилось выживать в кишках преступностью дублинских переулках, где «жутко и тоскливо» показалось бы праздником.

– Всеми правдами и неправдами, – прошептала она.

Запарковавшись, включив все системы защиты и знак «На дежурстве», Ева извлекла из багажника полевой набор.

– Занавес поднимается. Включить запись. Давай заизолируемся. – Она бросила Пибоди баллон с аэрозолем. – Вдруг это окажется не пустой тратой времени.

Пибоди побрызгала изоляционной жидкостью руки и ноги и бросила баллон обратно.

– Можно было послать патрульных все тут проверить, – проворчала она.

– Это же мне сигнал поступил. Нет смысла тратить ресурсы, пока сами не проверим. – Ева извлекла универсальный ключ, когда они подошли к зданию. – Похоже, в этом веке тут никто не жил, но, ты погляди, это новый замок. И надо же, еще никто не озаботился его взломать.

– Похоже, кроме этого замка, тут ничего нет. Ни камер, ни сенсоров.

– Если они тут и были, их давно уже сперли. Лейтенант Ева Даллас и детектив Делия Пибоди вскрывают замок, входят в здание с целью подтвердить или опровергнуть сведения о трупе, обнаруженном тайным осведомителем.

Ева вскрыла замок и обнажила оружие. Потом осторожно приоткрыла дверь.

– О, какой дивный запах! Если это пустышка, задам стукачу серьезную трепку. Оружие и фонарь, Пибоди. Начинаем обыск.

Как и за несколько часов до этого с Рорком, Ева обыскала первый этаж.

– Наверно, тут когда-то было неплохо, – заметила Пибоди. – Местами сохранился первоначальный настил и лепнина на потолке.

– Ну да. Небольшой косметический ремонт – и можно выставлять на продажу. Уровень чист, – добавила Ева для протокола. – Черт, смотри, чтобы лестница тебя выдержала. Провалишься – я тебя не вытащу.

– Это ты насчет моего веса сейчас прошлась? Могу подать официальную жалобу.

Ева фыркнула.

– Валяй, полный вперед. Боже, аромат все крепчает. Пахнет, как целая куча навоза, надушенная... Дерьмо.

– Навоз и есть дерьмо, – рассудила Пибоди.

– Ради всего святого, Пибоди, ты уже не первый день работаешь в убойном отделе! Могла бы и учуять труп, даже сквозь это амбре. Стукач сказал, в ванне. Все-таки оглядись вокруг, – приказала Ева и, освещая фонарем окружающее пространство, двинулась напрямую к разрушенной ванной. – Похоже, это и есть Сочник.

– Похоже, ты задолжала стукачу извинение.

– Обойдется двадцаткой. – Ева подошла к ванне. – Плавает в блевотине... Ну, это натяжка, но довольно близко к правде. Давай его опознаем и доложим.

– Даллас, тут дышать нечем. Если мы не хотим провести час в дезинфекции, нам надо надеть балахоны.

– Логично.

Пока Пибоди наклонилась, снимая крышку с полевого набора, Ева отступила на шаг, протянула руку назад и сняла укрепленную Рорком камеру. Она сунула камеру в карман, отключила ее, затем вынула коммуникатор.

– Лейтенант Ева Даллас.

Диспетчерская. Даллас, принято.

Ева доложила о трупе, указала адрес, описала ситуацию на месте, потребовала патрульных для помощи. Покончив с этим, она распечатала защитный балахон, который протянула ей Пибоди.

Как и в первый раз, она пустила в ход сенсорную пластинку для идентификации.

– Жертва идентифицирована как Кинер Рикки, возраст – двадцать семь лет. Мужчина смешанных кровей, рост – пять футов девять дюймов, вес – сто тридцать фунтов. Волосы каштановые, глаза карие. Лежит, свернувшись, в разбитой ванне, пустой шприц с иглой валяется тут же, в ванне. Имеются в наличии и другие атрибуты приема наркотиков.

– Время смерти примерно четыре ноль-ноль вчерашнего дня, Даллас. Оценка приблизительная в связи с поздним сроком обнаружения и характером окружающих условий.

– Пусть судмедэксперт уточнит время смерти.

Пибоди произнесла то, что, как ей казалось, она бы произнесла, если бы они и впрямь обнаружили тело по наводке осведомителя:

– Похоже на передоз. Видишь, у него тут следы уколов? Он был сторонником старой школы, но это не первое его путешествие в страну грез.

– Но почему в ванне? В комнате рядом есть матрас, его, хоть и с натяжкой, можно назвать постелью. У жертвы есть синяки, на локте кожа содрана.

– Он мог пораниться и синяков себе понаставить, пока у него были судороги, мог биться об ванну. По-моему, она чугунная.

– Верно подмечено. У него есть досье, с наркотой давно дружит. Может, дозой ошибся, а может, прогнал по вене что-нибудь покрепче обычной дури. – Ева покачала головой. – В записях есть его адрес, но это не здесь. Тогда почему он умер здесь?

– Ну, может, он пришел сюда не один, а с кем-то на пару поширяться, с дозой перебрал, и этот кто-то положил его в ванну. А сам пустился в бега.

– Все это вопросы и предположения. Ну что ж, Сочник теперь наш. Нам надо получить ответы. Судмедэксперт определит причину смерти, но на данный момент это подозрительная смерть, и расследовать ее предстоит нам. За работу, Пибоди.

6

От Евы не укрылась гримаса недовольства на лицах патрульных, когда она послала их на обход соседей и опрос свидетелей. Это был не тот район, где полицейских встречают улыбкой и предлагают чашечку кофе. Тут даже видимости уважения не дождешься. Да и вряд ли кто-то из обитателей этих мест признается, что он кого-то или что-то видел, будь он даже мухой на стене ванной, где окончил свои дни Сочник.

Но все равно без опроса не обойтись.

Когда приехали «чистильщики», Ева отыскала начальницу бригады.

– Я требую полного обыска всех трех этажей.

Ответом ей был недоуменный взгляд:

– Это что, шутка?

– Нет. И я пометила замок на входной двери. Мне нужен изготовитель, модель и дата установки.

– Это Петри тебя настропалил подкинуть нам работенку? У него извращенное чувство юмора.

– У тебя проблемы с дисциплиной в работе, Курц?

Курц с досадой закатила глаза за толстыми стеклами очков-микроскопов.

– Может, еще скажешь, что это не какой-то там дохлый ширяльщик, а князь Монако или другая шишка?

– Да нет, я твердо уверена, что это всего лишь дохлый ширяльщик. Но он мой дохлый ширяльщик, и я требую то, что мне нужно.

– Ну, раз нужно, значит, получишь. Хотя было бы лучше для всех просто сжечь к чертям эту халабуду. Огонь очищает.

– Не чиркай спичкой, пока не проведешь поиск. А там – гори оно огнем.

Эти слова, по крайней мере, вызвали у Курц улыбку, после чего Ева оставила место преступления «чистильщикам», а тело – перевозчикам из морга.

По дороге она послала сообщение Моррису, главному патологоанатому, с просьбой лично заняться телом Рикки Кинера.

– Пойдут слухи – чего это ты пропихиваешь дохлого ширяльщика сразу на высший уровень? – предупредила Пибоди, как только они вышли из здания и отключили запись.

– Это мне и нужно.

Ева села за руль и отправилась в дешевый и грязный секс-клуб, чтобы настучать Уэбстеру из Бюро внутренних расследований на Рене Оберман.

Когда она вошла в клуб, Крэк уже высился, как башня, за стойкой бара. Его бритая голова блестела подобно полированному ониксу, а кожа на мускулистых руках и на груди, прикрытая лишь жилетом, пестрела татуировками.

Он бросил на Еву грозный взгляд.

– Ты прервала мой косметический сон, белая девчонка.

– А зачем тебе косметический сон, черный человек? Ты и так хорош, краше некуда.

– Ловкий ответ. – Крэк повел головой в сторону углового столика. – У меня в доме крыса.

– Ну да. – Ева и сама уже заметила Уэбстера. – У меня свои причины. Считай, я тебе задолжала, Крэк. Считай, задолжала дважды, если закроешь лавочку, пока я не закончу.

– В такой-то час? Без проблем. Все равно никого нет. Так что будем считать, задолжала ты мне не два, а полтора. Кофе хочешь?

Ева по опыту знала, что кофе в этом клубе столь же смертельно опасен, сколь и выпивка.

– Может, воды?

Крэк презрительно фыркнул, но извлек из-под стойки две бутылки воды и, после минутного колебания, добавил третью.

– Крысам, поди, тоже пить хочется.

– Спасибо.

Ева передала одну бутылку Пибоди, а две другие отнесла к столу и поставила перед Уэбстером.

– Рановато для веселья, – заметил он.

Ева бросила взгляд на сцену. Через пару часов на ней заиграет, задавая ритм первой смене стриптизерш, голографический ансамбль, появятся посетители. Ранние пташки начнут травить и без того загибающуюся слизистую оболочку своих желудков крепким алкоголем и дешевым пивом.

К полуночи здесь, под вращающимися зеркальными шарами и стробоскопическими сполохами света, будет набито битком. Зад к заду, локоть к локтю. А наверху в номерах люди будут спариваться, как кролики, накачавшиеся виагрой, причем многие из них – только что познакомившись прямо на месте.

– Могу попросить Крэка включить пару голографических стриптизерш, но мне кажется, того, что мы тебе припасли, хватит для веселья.

– Надеюсь, оно того стоит. Как дела, Пибоди?

– А вот сейчас и узнаем.

– Мы здесь с ведома и по распоряжению майора Уитни, причем он прямо приказал, что на данный момент полученная нами информация не предназначена никому другому.

– Мы в БВР не играем в одиноких волков, Даллас.

Ева сразу поняла, что у него включен диктофон. И решила, что если он не пойдет на ее условия, ничего она ему не скажет и записывать будет нечего.

– Да, я понимаю: «бюро» – сокращение от слова «бюрократия». Но таков приказ.

– Мой капитан...

– ...на данный момент останется не в курсе.

Уэбстер отодвинулся от стола – красивый мужчина с глазами копа, хотя, думала Ева, он и променял уличную полицейскую работу на шпионство за своими. Когда-то он думал, что любит ее, и это привело к неловкой и... чреватой неприятностями ситуации.

Но сейчас он смотрел на нее с холодным негодованием.

– Даже командир Центрального полицейского управления не может диктовать БВР, какой процедуре следовать.

– Не хочешь играть, Уэбстер, я найду кого-нибудь другого. У меня есть на то причины, – добавила Ева, подавшись вперед и наклонившись над столом. – И если ты приподнимешь зад и выдернешь из-под него уставы и уложения, если согласишься выслушать, ты поймешь, какой процедуре следовать.

– Давай попробуем так: я согласен выслушать. А потом уж я сам решу, какой процедуре следовать.

Ева отодвинулась.

– Даллас, может, нам стоит просто подождать, пока...

Ева покачала головой, прервав Пибоди на полуслове. «Иногда, – решила она, – приходится просто доверять. К тому же если уж положение станет совсем аховым, я отниму у него диктофон, и все дела».

– Я тебе обрисую ситуацию вкратце. У меня с собой копия показаний моей напарницы и будут копии всех данных по убийству, с этими показаниями связанному. Ты получишь эти записи, Уэбстер, но только в том случае, если дашь нам слово, что будешь действовать согласно приказу Уитни. Для начала, – добавила Ева и все рассказала.

Она бесстрастно перечислила ему все события, следя за его реакцией. Уэбстер прилично играл в покер, вспомнила Ева, но она сумела заметить его смятение и лихорадочное метание мысли.

Он бросил быстрый взгляд на Пибоди и перевел его обратно на Еву, но перебивать не стал.

– Ну вот тебе история вкратце, – подытожила Ева. – Мяч на твоей половине, Уэбстер.

– Рене Оберман. Дочурка Святого Обермана.

– Она самая.

Уэбстер сделал большой глоток из бутылки.

– Несладко вам пришлось, детектив, – обратился он к Пибоди.

– Вся жизнь прошла перед глазами.

– И ты эти утверждения записала под протокол?

– Я эти факты записала под протокол.

– После инцидента ты решила проинформировать своего сожителя, потом свою напарницу и ее гражданского мужа и лишь много позже – начальника Центрального полицейского управления. И все это – еще до того, как довести информацию до сведения Бюро внутренних расследований. Таков был твой выбор?

Ева открыла было рот и снова его закрыла. Пибоди еще предстоит столкнуться с чем-то большим, чем порция преднамеренной травмы.

– Мой выбор был таков: выбраться оттуда к чертям собачьим, и чем раньше, тем лучше, да так, чтоб меня не засекли. Я считала и продолжаю считать, что если бы меня засекли, не было бы у меня возможности проинформировать кого бы то ни было, потому что я была бы мертва. Мой сожитель тоже коп, и в тот момент мне была нужна помощь. Моя напарница является также моей непосредственной начальницей, я ей безоговорочно доверяю, во всем полагаюсь на ее опыт, ее чутье и полицейские навыки. Ее муж часто исполняет обязанности эксперта-консультанта для нашего департамента.

Пибоди перевела дух и глотнула воды.

– Это было наше общее решение – определить, существует ли на свете Кинер, о котором говорили Оберман и Гарнет, а если да, жив он или мертв. Он мертв, и, как утверждала лейтенант Оберман в подслушанном мною разговоре, его смерть была подстроена, чтобы выглядеть как случайная передозировка наркотика. Я обратилась по инстанциям, лейтенант Уэбстер, и только так нам удалось собрать и подтвердить факты, которые сейчас доложены представителю Бюро внутренних расследований. Можете критиковать мои решения, но я действовала наилучшим, как я считала, образом. И, будь у меня шанс все повторить, поступила бы точно так же и во второй раз.

– Хорошо. – Уэбстер почесал в затылке. – Рене Оберман, ради всего святого. И каковы ваши шансы доказать, что Кинер был убит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.